

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

СОВЕТ ЕВРОПЫ

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ЧЕТВЕРТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ХУДОЕРОВ ПРОТИВ РОССИИ

(жалоба № 6847/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

8 ноября 2005 года

Настоящее постановление вступит в силу при условиях, оговоренных в § 2 статьи 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

В деле Худоев против России

Европейский Суд по правам человека (четвертая секция), заседающая палатой в составе:

Сэр Николас Братца, *председатель*,
г-н Д. Бонелло,
г-н М. Пелонпаа,
г-н К. Трайа,
г-н А. Ковлер,
г-н Л. Гарлицки,
г-н Х. Боррего Боррего, *судья*,
и г-н М. О'Бойл, *регистратор секции*,
посовещавшись при закрытых дверях 11 октября 2005 г., вынес в этот день настоящее Постановление.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Дело было возбуждено на основании жалобы №. 6847/02 против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданином Таджикистана г-ном Дониером Тошпулатовичем Худоевым 29 января 2002 года.

2. Заявителя, которому была предоставлена правовая помощь, в Суде представляли г-н Ф.Багрянский и г-н М.Овчинников, адвокаты практикующие во Владимире, г-жа К.Москаленко, адвокат Центра содействия международной защите в Москве, и г-н У.Боуринг, адвокат из Лондона. Правительство России (далее – «Правительство») представлял его агент г-н П.Лаптев, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что условия его содержания в СИЗО № ОД-1/Т-2 и условия доставки в суд и обратно в изолятор не соответствовали требованиям статьи 3 Конвенции, что его содержание в предварительном заключении после 4 мая 2001 года было незаконным, а также чрезмерно длительным, что его ходатайства об освобождении, поданные после 28 апреля 2001 года не были рассмотрены «безотлагательно», а то и вообще не рассматривались, и что длительность судебного разбирательства была чрезмерной.

4. Жалоба была направлена в Первую секцию Суда (правило 52 § 1 Регламента Суда). В соответствии с правилом 26 § 1, в этой секции была сформирована палата судей для рассмотрения данного дела (статья 27 § 1 Конвенции).

5. 13 февраля 2004 года председатель секции в соответствии со статьей 41 Регламента Суда принял решение дать приоритет данной жалобе.

6. 1 ноября 2004 года Суд изменил состав своих секций (правило 25 § 1). Это дело было передано во вновь сформированную Четвертую секцию (правило 52 § 1).

7. Своим решением от 22 февраля 2005 года Суд объявил жалобу частично приемлемой.

8. Правительство, а не заявитель, представило свои письменные соображения по существу жалобы (правило 59 § 1).

9. После консультаций со сторонами Палата приняла решение о том, что в устных слушаниях необходимости нет (правило 59 § 3 *in fine*).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

10. Заявитель родился в 1965 году. 17 августа 1998 года он приехал в Россию из Таджикистана. Он стал жить во Владимире в квартире своего двоюродного брата.

A. Задержание заявителя и обыск квартиры

11. 22 января 1999 года заявитель был задержан по подозрению в незаконном приобретении и хранении наркотиков. В квартире, где он проживал, был проведен обыск.

B. Предварительное заключение заявителя

12. 30 января 1999 года заявителю было предъявлено обвинение в незаконном приобретении и хранении трех граммов гашиша на основании статьи 228 § 1 Уголовного кодекса. Он заявил о своей невиновности и отметил, что не нуждается в переводчике, поскольку учился в Ленинграде.

13. 12 марта и 5 апреля 1999 года содержание под стражей заявителя было продлено до 11 июля 1999 года.

14. 4 июня 1999 года Ленинский районный суд г. Владимира отказал в удовлетворении ходатайства заявителя об освобождении под залог. Суд указал, что продление содержания заявителя под стражей соответствует закону и оснований для его освобождения нет. Заявитель не обжаловал это решение в областном суде.

15. 30 июня и 2 сентября 1999 года содержание под стражей заявителя было продлено до 21 декабря 1999 года.

16. 2 декабря 1999 года и.о. Генерального Прокурора санкционировал продление содержания заявителя под стражей до 21 июня 2000 года. Заявитель обжаловал это решение в Ленинском районном суде, который 28 декабря 1999 года отказал в удовлетворении жалобы, указав, что заявитель обвиняется в особо тяжком преступлении и что он проживает во Владимире временно, а местом его постоянного проживания является Душанбе, Таджикистан. Это дает достаточные основания подозревать, что в случае освобождения, он скроется. Заявитель не обжаловал это решение в областном суде.

С. Первое направление дела на дополнительное расследование

17. 21 июня 2000 года надзирающий прокурор утвердил обвинительное заключение и дело в отношении заявителя и еще двадцати обвиняемых было направлено для рассмотрения во Владимирский областной суд.

18. 23 июня и 17 июля 2000 года заявитель направлял ходатайства во Владимирский областной суд о рассмотрении законности его содержания под стражей.

19. 18 июля 2000 года Владимирский областной суд вернул дело на дополнительное расследование, поскольку обвинительное заключение не было переведено на таджикский язык, хотя семеро подсудимых были таджиками. Суд постановил оставить заявителя и других подсудимых под стражей.

20. 24 июля 2000 года прокуратура опротестовала это решение, но впоследствии отозвала свой протест. 30 августа 2000 года дело было возвращено во Владимирский областной суд для рассмотрения по существу.

Д. Второе направление дела на дополнительное расследование

1. Восстановление решения от 18 июля 2000 года

21. 23 ноября 2000 года Владимирский областной суд направил дело на дополнительное расследование, поскольку права некоторых подсудимых были незаконно ограничены. Прокуратура принесла протест.

22. 28 февраля 2001 года Верховный Суд Российской Федерации отменил решение от 23 ноября 2000 года. Он отметил, что после того, как 18 июля 2000 года дело было направлено на дополнительное расследование, прокуратура не устранила нарушения, указанные областным судом. В частности, прокуратура не обеспечила перевод

обвинительного заключения и не проверила, обладает ли переводчик требуемой квалификацией. Ввиду этих процессуальных нарушений, Верховный Суд постановил, что все последующие судебные решения были незаконны, и направил дело в областной суд для выполнения решения от 18 июля 2000 года.

2. *Дополнительное расследование*

(а) Продление срока содержания заявителя под стражей на один месяц (до 4 мая 2001 года)

23. 4 апреля 2001 года дело было возвращено в прокуратуру Владимирской области на дополнительное расследование. В этот же день заместитель прокурора Владимирской области продлил срок содержания заявителя под стражей на один месяц, до 4 мая 2001 года.

(б) Продление срока содержания заявителя под стражей на три месяца (до 4 сентября 2001 года)

24. 19 апреля 2001 года прокурор Владимирской области ходатайствовал перед Владимирским областным судом о продлении срока содержания заявителя под стражей. Заявитель представил возражения, в которых, *inter alia*, утверждал, что прокуратура до сих пор не провела какого-либо дополнительного расследования.

25. 28 апреля 2001 года Владимирский областной суд установил, что обвинительное заключение было переведено на таджикский язык и что 18 апреля 2001 года подсудимые и их адвокаты начали знакомиться с делом. Учитывая тяжесть предъявленных заявителю обвинений, то, что он таджик по национальности и у него отсутствует во Владимире постоянное место жительства, областной суд продлил ему срок содержания под стражей до 4 сентября 2001 года.

26. 4 и 17 мая 2001 года заявитель обжаловал это постановление Владимирского областного суда.

(с) Отмена постановления о продлении срока содержания заявителя под стражей до 4 сентября 2001 года

27. 8 августа 2001 года Верховный Суд установил, что одному из подсудимых не был предоставлен переводчик на узбекский язык и что заявитель и другие подсудимые не имели доступа к материалам, которые рассматривал областной суд. Суд постановил следующее:

“Описанные выше недочеты в судебных слушаниях и ограничение установленных законом прав подсудимых... являются существенными нарушениями уголовно-процессуальных норм, которые могли повлиять на выводы судьи, в связи с чем постановление [от 28 апреля 2001 года] должно быть отменено, а материалы дела, относящиеся к продлению срока предварительного заключения подсудимых, направлены на новое судебное рассмотрение. В ходе нового рассмотрения ходатайства прокурора

вышеуказанные недочеты должны быть устранены... и доводы подсудимых и их адвокатов, включая доводы, касающиеся законности их содержания под стражей, должны быть изучены... Меру пресечения [избранную, в частности, в отношении заявителя] оставить без изменения”.

Определением от того же дня Верховный Суд не разрешил заявителю присутствовать при рассмотрении кассационной жалобы.

(d) Второе рассмотрение ходатайства о продлении срока содержания заявителя под стражей до 4 сентября 2001 года

28. 11 сентября и 30 ноября 2001 года Владимирский областной суд объявлял перерыв в слушаниях с тем, чтобы предоставить подсудимым дополнительное время для ознакомления с делом.

29. 27 февраля 2002 года Владимирский областной суд удовлетворил отвод заявителя председательствующему судье.

30. 11 и 13 марта, 12 апреля, 17 и 18 июня 2002 года судебные заседания откладывались из-за неявки некоторых адвокатов, включая адвоката заявителя.

31. 15 августа 2002 года Владимирский областной суд вновь удовлетворил ходатайство прокурора (от 19 апреля 2001 года) о продлении срока содержания заявителя под стражей до 4 сентября 2001 года. Суд решил, что заявитель должен оставаться под стражей, поскольку являлся гражданином Таджикистана, не имел постоянной регистрации во Владимире и обвинялся в тяжком уголовном преступлении. Суд также сослался на какие-то «выводы», содержащиеся в ходатайстве прокурора о том, что заявитель может скрыться или воспрепятствовать правосудию. Содержание этих «выводов» не раскрывалось.

32. 23 сентября 2002 года заявитель направил жалобу на решение Владимирского областного суда. Он утверждал, что оспариваемое решение было «незаконным и неконституционным», и просил разрешения лично присутствовать при рассмотрении жалобы.

33. 23 января 2003 года Верховный Суд оставил без изменения решение от 15 августа 2002 года, указав следующее:

“Судья пришел к хорошо обоснованному выводу о том, что подсудимые... не могут быть [освобождены до суда]. Судья учел, что эти лица обвиняются в тяжких и особо тяжких преступлениях, принял во внимание информацию об их личностях и все обстоятельства, на которые сослался прокурор в поддержку своего ходатайства...”

Тот факт, что вышеуказанное решение по ходатайству прокурора было принято [лишь] после того, как подсудимые провели столько времени под стражей,... не является основанием для отмены решения от 15 августа 2002 года, поскольку первое судебное решение по этому вопросу было отменено в соответствии с законом, и ходатайство прокурора от 19 апреля 2001 года было направлено на новое рассмотрение. Дальнейший ход дела в этих обстоятельствах не имеет отношения к решению по ходатайству прокурора”.

Определением от того же дня Верховный Суд отказал в просьбе заявителя присутствовать при рассмотрении, так как доводы подсудимых были четко изложены в их жалобах, и на слушаниях присутствовали их адвокаты, в то время как прокурор не присутствовал.

Е. Третье направление дела на дополнительное расследование

1. Подготовка к суду

34. Между тем 4 сентября 2001 года дополнительное расследование было закончено и дело направлено во Владимирский областной суд. В этот день или приблизительно в этот день заявитель обратился в суд с ходатайством об освобождении до суда.

35. 9 января 2002 года Владимирский областной суд назначил слушание дела на 5 февраля 2002 года и принял решение оставить заявителя до суда под стражей.

“[Суд] не нашел никаких оснований... для изменения или отмены меры пресечения, избранной в отношении обвиняемых, учитывая тяжесть предъявленных им обвинений. Более того, тот факт, что решение суда продлить срок содержания под стражей некоторых подсудимых с тем, чтобы дать им время для ознакомления с делом, было отменено по кассационной жалобе, не имеет правового значения. [В своем определении от 8 августа 2001 года] Верховный Суд не отменил меру пресечения, дело было безотлагательно направлено в суд, и не было установлено никаких других оснований для изменения меры пресечения”.

36. 11 февраля 2002 года заявитель направил жалобу на это решение. Он, в частности, указывал, что его содержание под стражей незаконно, поскольку срок содержания значительно превысил максимально разрешенные законом восемнадцать месяцев, что условия его содержания были плохими и что с ним дурно обращались милиционеры как при задержании, так впоследствии. Он утверждал, что его жалоба не была отправлена в Верховный Суд.

37. 5 февраля 2002 года слушания были отложены до 26 февраля, поскольку трое подсудимых не предстали перед судом. 15 февраля 2002 года заявитель подготовил жалобу на решение отложить слушания. В жалобе он также повторил те моменты, на которые указывал в своей жалобе от 11 февраля. Он вновь утверждал, что его жалоба не была отправлена в Верховный Суд.

2. Решение направить дело на дополнительное расследование

38. 13 марта 2002 года Владимирский областной суд установил, что дело не готово для рассмотрения по существу из-за ряда процессуальных нарушений, в частности, несколько подсудимых не имели достаточно времени для ознакомления с делом, один подсудимый не был обеспечен переводом на узбекский язык, заявитель не был заблаговременно уведомлен об экспертизе. Суд направил дело на дополнительное расследование и оставил подсудимых под стражей «ввиду тяжести и опасности преступлений».

39. 11 апреля 2002 года прокуратура обжаловала решение от 13 марта, а заявитель обжаловал его 29 апреля. В частности, заявитель отметил, что национальное законодательство не разрешает продление срока заключения под стражей «во время предварительного расследования» свыше восемнадцати месяцев, которые в его случае истекли 4 апреля 2001 года.

40. 28 мая 2002 года дело было направлено в Верховный Суд для рассмотрения вопроса содержания под стражей.

3. Отмена решения о направлении дела на дополнительное расследование

41. 8 августа 2002 года Верховный Суд своим определением отказал в просьбе заявителя о присутствии на кассационном слушании, указав, что его позиция была ясно и исчерпывающе изложена в жалобе.

42. 12 сентября 2002 года он рассмотрел представление прокурора и жалобы заявителя и других подсудимых и установил, что права защиты нарушены не были. На этом основании он отменил решение от 13 марта 2002 года и дал указание Владимирскому областному суду продолжить судебные слушания. Он постановил, что заявитель и другие подсудимые должны оставаться под стражей, поскольку, «ввиду тяжести и опасности преступлений, нет юридических оснований для изменения меры пресечения».

43. 7 октября 2002 года дело было возвращено во Владимирский областной суд.

Г. Последующие продления срока содержания заявителя под стражей до суда и его освобождение из-под стражи

44. 18 ноября 2002 года Владимирский областной суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 3 декабря 2002 года. Он постановил следующие:

“Дело было направлено во Владимирский областной суд 2 сентября 2001 года, и 13 марта 2002 года было принято решение направить его на дополнительное

расследование. 12 сентября 2002 года Верховный Суд отменил это решение по представлению прокурора. Таким образом, подсудимые находились под стражей 8 месяцев и 16 дней, считая с даты направления дела в суд и исключая период со дня [окончания] рассмотрения по существу до отмены решения по кассационной жалобе [от 13 марта 2002 года].

Учитывая, что подсудимый обвиняется в тяжких и особо тяжких преступлениях, и в целях обеспечения рассмотрения дела и исполнения обвинительного приговора (*sic*), нет оснований для [освобождения заявителя]. С учетом этих обстоятельств и в соответствии со статьей 255 § 3 Уголовно-процессуального кодекса России содержание под стражей подсудимого продлевается еще на три месяца”.

45. 4 декабря 2002 года Владимирский областной суд вновь продлил срок содержания заявителя под стражей на три месяца, т.е. до 3 марта 2003 года (в постановлении ошибочно указан 2002 год). Основания, приведенные судом, были идентичны приведенным в постановлении от 18 ноября 2002 года.

46. 22 и 26 ноября, а также 5 декабря 2002 года адвокаты заявителя направили в Верховный Суд жалобы на постановления от 18 ноября и 4 декабря. Они отметили, в частности, что шестимесячный срок содержания заявителя под стражей, который исчисляется со дня направления дела на судебное разбирательство, истек 2 марта 2002 года, но был продлен лишь спустя два месяца и 16 дней, 18 ноября. Поэтому с 13 марта по 12 сентября 2002 года заявитель содержался под стражей без какого-либо постановления: прокуратура не взяла на себя ответственность за дело, в то время как суды считали, что дело направлено на дополнительное расследование, и полагали, что прокуратура несет ответственность за содержание заявителя под стражей.

47. 3 марта, 28 мая, 28 августа, 27 ноября 2003 года и 27 февраля 2004 года Владимирский областной суд продлевал сроки содержания под стражей заявителя и 12 других подсудимых, каждый раз на срок три месяца. Основания в постановлениях от 3 марта, 28 мая и 28 августа были идентичны приведенным в постановлениях от 18 ноября и 4 декабря 2002 года (см. выше). В постановлениях от 27 ноября 2003 года и 27 февраля 2004 года содержалась ссылка на тяжесть обвинений и наличие «достаточных оснований полагать, что подсудимые скроются».

Заявитель подавал жалобы на все эти постановления.

48. С мая 2003 года по 15 марта 2004 года продолжался суд. 19 апреля 2004 года начались прения сторон.

49. 28 мая 2004 года Владимирский областной суд своим определением постановил, что срок содержания заявителя под стражей не будет продлеваться, поскольку прокуратура уменьшила объем обвинений против него. Можно полагать, что он был освобожден из-под стражи в тот же день.

50. 21 марта 2005 года Верховный Суд рассмотрел жалобы заявителя и/или других подсудимых на постановления от 18 ноября и 4 декабря 2002 года, 3 марта, 28 мая, 28 августа и 27 ноября 2003 года и 27 февраля 2004 года, которыми продлевался срок их содержания под стражей.

Верховный Суд отменил постановления от 18 ноября и 4 декабря 2002 года и от 3 марта 2003 года на том основании, что они были вынесены не в полном составе: одним судьей вместо состава суда из трех судей. В отношении обстоятельств, связанных с заявителем, он указал:

“В связи с тем, что постановление судьи было отменено вследствие нарушения уголовно-процессуальных норм, суд не будет рассматривать доводы жалоб, предполагающие, что продление содержания под стражей было незаконным по другим основаниям. Вопрос не будет направляться на новое рассмотрение, поскольку [заявитель] был оправдан”.

Верховный Суд оставил без изменения другие постановления, указав, что областной суд правильно сослался на тяжесть обвинений и наличие достаточных оснований полагать, что подсудимые скроются от суда.

Г. Прекращение уголовного преследования

51. 18 июня 2004 года Владимирский областной суд своим определением снял с заявителя обвинения в участии в организованной преступной группировке и содержании наркопритона после того, как они были сняты обвинением.

52. Другим определением от того же дня суд снял обвинение с заявителя по одному эпизоду хранения наркотиков вследствие произошедшего изменения российского законодательства, декриминализирующего хранение незначительного количества наркотиков.

53. Наконец, приговором от того же дня суд оправдал заявителя по другим обвинениям в наркоторговле, поскольку его участие в совершении преступлений не может быть доказано. Некоторые из других подсудимых были осуждены и приговорены к различным срокам лишения свободы.

54. 21 марта 2005 года Верховный Суд Российской Федерации при кассационном рассмотрении оставил вышеуказанные приговор и определения Владимирского областного суда без изменения.

Н. Решения Конституционного Суда

55. 10 декабря 2002 года Конституционный Суд рассмотрел жалобу заявителя в связи с тем, что он не был допущен на слушания

Верховным Судом, и подтвердил, что заявитель должен был иметь право лично присутствовать и излагать свои доводы суду в случае, если присутствовал прокурор.

56. 15 июля 2003 года Конституционный Суд вынес определение № 292-О по жалобе заявителя на *ex post facto* продление его «содержания под стражей во время суда» постановлением областного суда от 18 ноября 2002 года. Он указал следующее:

“Часть третья статьи 255 УПК Российской Федерации предусматривает, что суд, в производстве которого находится уголовное дело..., по истечении шести месяцев со дня поступления уголовного дела в суд вправе продлить срок содержания подсудимого под стражей не более чем на три месяца каждый раз, и не включает положений, которые бы предусматривали возможность принятия судом решения о продлении срока содержания под стражей обвиняемого уже после истечения ранее установленного срока и тем самым допускали бы содержание лица под стражей в течение определенного периода времени без судебного решения.

Не предусматривается такая возможность и другими нормами уголовно процессуального законодательства. Более того, часть вторая статьи 10 и часть четвертая статьи 109 УПК Российской Федерации прямо предписывают суду, прокурору, следователю... немедленно освободить всякого незаконно содержащегося под стражей свыше срока, установленного данным Кодексом. Это вытекает из положений пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции о защите прав человека... (являющейся в соответствии со статьей 15 часть 4 Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации)...

57. 22 января 2004 Конституционный Суд вынес определение № 66-О по жалобе заявителя на отказ Верховного Суда разрешить ему присутствовать на слушании его кассационной жалобы в связи с содержанием под стражей. Он указал:

“Положения статьи 376 УПК Российской Федерации, регламентирующие участие осужденного, содержащегося под стражей, в заседании суда кассационной инстанции..., не могут рассматриваться как лишаящие содержащегося под стражей обвиняемого... права путем личного участия в судебном заседании или иным предусмотренным законом способом изложить суду кассационной инстанции свое мнение по существу вопросов, связанных с рассмотрением жалобы... на судебное решение, затрагивающее его конституционные права и свободы...”

I. Условия содержания заявителя под стражей и условия доставки

1. Содержание заявителя в СИЗО ОД-1/Т-2

58. С 16 февраля 2000 года по 28 мая 2004 года заявитель содержался в учреждении № ОД-1/Т-2 УИН МЮ РФ по Владимирской области, известном как «Владимирский централ». Он находился в

различных камерах корпусов 3 и 4, построенных в 1870 и 1846 году соответственно.

(а) Количество заключенных в камере

59. В соответствии со справкой начальника СИЗО от 22 апреля 2004 года, которую представило Правительство, заявитель содержался в восьми камерах, описанных следующим образом: камера № 4-14 (12,1 кв. м, 6 коек, в среднем содержалось 4-6 заключенных), камера № 4-13 (12,3 кв. м, 6 коек, 5-7 заключенных), камера № 4-9 (23,4 кв. м, 13 коек, 13-20 заключенных), камеры №№ 3-3, 3-53, 3-54, 3-51 и 3-52 (35-36 кв. м, 16 коек, 12-18 заключенных).

60. Заявитель не оспаривает площадь камер или количество коек в них. Он не согласен, однако, с цифрами, которые приводит Правительство о количестве заключенных. По его словам, с февраля по декабрь 2000 года он находился в камере № 4-9, в которой было от 18 до 35 человек, а с декабря 2000 года по май 2004 года – в камерах площадью примерно 36 кв. м совместно с еще 20-40 заключенными. После вступления в действие нового Уголовно-процессуального кодекса 1 июля 2002 года количество заключенных в камере уменьшилось до 15-25 человек. Вследствие недостатка коек, люди спали посменно по восемь часов. Они ожидали своей очереди, сидя на бетонном полу или на табуретке, если она была

В доказательство своих слов заявитель представил письменные показания своих бывших сокамерников – г-на Абдурахмона Каюмова, г-на Сергея Гунина и г-на Яна Келермана. В частности, они утверждают, что в 2003-2004 годах в камере № 3-52 было от 20 до 30 заключенных (показания г-на Каюмова) или даже от 25 до 35 заключенных (показания г-на Гунина) в камерах №№ 3-51 и 3-53. Они также засвидетельствовали, что они и другие заключенные спали по очереди.

(б) Санитарные условия и оборудование камер

61. На основании справки начальника СИЗО от 8 апреля 2004 года Правительство утверждает, что «санитарные и противоэпидемические условия в учреждении были удовлетворительными, включая... камеры, где содержался [заявитель]». В другой справке от 20 апреля 2004 года говорилось, что «камеры... были оборудованы [унитазом], расположенным на высоте не более 10 см от пола и отделенным перегородкой высотой 1,5 м с дополнительными шторами». Имелась водопроводная вода и заключенным разрешалось пользоваться кипятильниками.

62. Заявитель признает, что вспышек инфекционных заболеваний или эпидемий не было. Во всем остальном санитарные условия были полностью неудовлетворительными. Больные туберкулезом,

гепатитом, чесоткой, страдающие иммунодефицитом (ВИЧ) периодически содержались в его камере. В камерах было множество вшей, клопов, мух, комаров, тараканов, но администрация не предоставляла никаких репеллентов или инсектицидов. Заключенным не выдавали никаких туалетных принадлежностей, например, мыла, зубной щетки, зубной пасты, туалетной бумаги, за исключением 100 г каустической соды раз в неделю и двух пластиковых бутылок по 1,5 л хлорной извести раз в два-три месяца. В камерах не было вентиляции. Зимой в них было холодно, а летом жарко, душно и очень сыро.

63. Заявитель опровергает данное Правительством описание туалета как фактически неверное. Чугунный унитаз был установлен на возвышении около 50-80 см высотой и от жилой зоны с одной стороны отделялся перегородкой высотой один метр. Пользующийся туалетом был полностью виден остальным заключенным. Штор не было; периодически заключенные вешали простыню, но контролеры срывали ее и наказывали виновного. Но что самое главное, унитаз не имел сиденья или крышки: чтобы запахи не распространялись, заключенные вставляли в отверстие пустую пластиковую бутылку. Обеденный стол был закреплен в полу в нескольких метрах от унитаза. Описание заявителя было подтверждено письменными свидетельствами бывших сокамерников – г-на Каюмова, г-на Гунина, г-на Келермана и г-на Сергея Каленика, а также четырьмя цветными фотографиями, изображающими унитаз и обеденный стол с разных ракурсов

(c) Питание

64. Правительство утверждает, что «заявитель обеспечивался питанием в соответствии с установленными законом нормами». Из не имеющей даты справки, подписанной начальником СИЗО, следует, что его ежедневный рацион состоял из 100 г мяса, 100 г рыбы, 100 г крупы, 20 г макаронных изделий, 20 г соли, 1 г чая (*sic*), 0,5 кг картофеля, 0,25 кг овощей и 0,55 кг хлеба.

65. По словам заявителя, пища была чрезвычайно низкого качества. Зачастую выдавалась только так называемая *баланда* – похожая на суп постная смесь перловой крупы, ячменя и макаронных изделий. Вместо мяса выдавался соевый заменитель. Свежие овощи не давались, иногда на ужин давали вареную свеклу, квашеную капусту или соленые огурцы. Соль и чай никогда не выдавались. Письменные показания четырех бывших сокамерников заявителя подтверждают эти слова.

(d) Прогулки

66. Стороны едины в том, что заявителю полагалась ежедневная прогулка продолжительностью около часа. Заявитель отмечает, однако, что он не мог гулять в дни судебных заседаний.

67. Правительство не описывает условия прогулки. Заявитель и четверо его бывших сокамерников в письменных показаниях следующим образом описали прогулочные дворiki: это замкнутая территория площадью 12, 26 или 40 кв. м. Сверху на высоте одного метра от стены она перекрыта металлической крышей. Летом внутри было невыносимо жарко и душно, поскольку солнце нагревало крышу. Стены были покрыты так называемой *шубой* – бетонным покрытием, похожим на абразив, предназначенным для того, чтобы заключенные не прислонялись к стенам. Из камер всех выводили одновременно, и зачастую из-за переполненности было невозможно передвигаться, не говоря уже о физических упражнениях.

(e) Другие вопросы

68. По словам заявителя, металлические жалюзи с окон, препятствующие поступлению естественного света в камеры, были сняты только 28 декабря 2002 года после того, как делегация, включающая представителя Совета Европы, посетила пенитенциарные учреждения Владимира. Правительство не оспаривает эти слова.

(f) Связь с внешним миром

69. Родственникам заявителя не разрешались свидания с ним во время всего предварительного следствия. После начала суда ему разрешили четыре коротких свидания с женой, детьми, сестрой и братом. На этих свиданиях заявителю и его родителям* запрещалось говорить на каком-либо другом языке, кроме русского. Равным образом заявителю запрещалось переписываться с родственниками на каком-либо другом языке, кроме русского: администрация учреждения отказывалась отправлять или вручать письма на таджикском языке.

70. Правительство разъяснило, что эти ограничения были вызваны отсутствием в учреждении штатного переводчика таджикского языка.

2. Условия доставки заявителя в суд и из суда

71. 205 раз заявителя доставляли из следственного изолятора во Владимирский областной суд на судебные заседания. 185 из этих заседаний были посвящены рассмотрению выдвинутых против него обвинений, 20 – ходатайств о продлении содержания под стражей. Заявитель нижеследующим образом описывает подобные дни, что было подтверждено письменными свидетельствами его бывших сокамерников.

72. В день слушаний его будили в 4-5 часов утра. Примерно в 8 часов его, так же как и других заключенных, у кого были слушания в этот день, выводили из камеры в так называемую «сборную камеру».

* Так в оригинале. – примеч. переводчика

Каждая «сборная камера» была площадью от 9,2 до 9,9 кв. м и вмещала 10-20 заключенных. «Сборные камеры» не имели вентиляции, и вскоре воздух наполнялся табачным дымом. Приблизительно в 9-9.30 заявителя сажали в автофургон.

73. Тюремный фургон имел одно общее отделение, рассчитанное на четырех человек, и шесть индивидуальных отделений, площадью один кв. м. Фургон рассчитан на перевозку 10 заключенных. Однако в нем перевозили от 15 до 20 человек, а однажды – 27 человек. Заявителя помещали в индивидуальное отделение вместе с другим заключенным. Из-за нехватки места один из них сидел на скамейке, а другой у него на коленях. Путь во Владимирский областной суд занимал один час, а фургон по пути заезжал и в другие изоляторы.

74. Заявитель обычно возвращался обратно в изолятор не раньше 6-8 часов вечера. В течение дня он не получал питания, не имел прогулки и вынужден был пропускать посещение душа, которое ему время от времени разрешалось.

75. Правительство утверждает, что заявитель перевозился в специальном тюремном фургоне, который отвечал установленным требованиям. Расстояние от СИЗО ОД-1/Т-2 составляет восемь километров, а путь занимал 30 минут.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

76. До 1 июля 2002 года вопросы уголовного законодательства регулировались Уголовно-процессуальным кодексом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (закон от 27 октября 1960 года, далее – «старый УПК»). С 1 июля 2002 года старый УПК был заменен Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (закон № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 года, далее – «новый УПК»).

A. Меры пресечения

77. Мерами пресечения являются подписка о невыезде, личное поручительство, залог и заключение под стражу (статья 89 старого УПК и статья 98 нового УПК).

B. Органы, принимающие решение о заключении под стражу

78. Конституция России от 12 декабря 1993 года устанавливает, что для заключения под стражу обвиняемого или продления срока его содержания под стражей требуется судебное решение (статья 22).

По старому УПК решение о заключении под стражу могло приниматься прокурором или судом (статьи 11, 89 и 96).

Новый УПК требует судебного решения районного или городского суда по мотивированному ходатайству прокурора с приложением соответствующих доказательств (статья 108 §§ 1, 3-6).

С. Основания для решения о заключении под стражу

79. При принятии решения о заключении обвиняемого под стражу компетентный орган должен рассмотреть, имеются ли «достаточные основания полагать» что он скроется от следствия или суда, воспрепятствует установлению истины или будет заниматься преступной деятельностью (статья 89 старого УПК). Он также должен учитывать тяжесть обвинения, сведения о личности обвиняемого, его род занятий, возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства (статья 91 старого УПК и статья 99 нового УПК).

80. До 14 марта 2001 года заключение под стражу разрешалось в случае, если лицо обвинялось в совершении преступления, за которое предусматривалось наказание не менее одного года лишения свободы, или если в деле существуют «исключительные обстоятельства» (статья 96). 14 марта 2001 года в старый УПК были внесены изменения, в соответствии с которыми заключение под стражу разрешалось, если за преступление, в котором обвинялось лицо, предусматривалось наказание не менее двух лет лишения свободы или обвиняемый ранее скрывался, не имеет постоянного места жительства в России, его личность не может быть установлена. Изменения от 14 марта 2001 года также отменили пункт, разрешающий заключение под стражу обвиняемых по одному лишь основанию опасности совершенного преступления. Новый УПК воспроизвел измененные положения (статьи 97 § 1 и 108 § 1) и добавил, что обвиняемый не должен заключаться под стражу, если возможно применение менее суровой меры пресечения.

Д. Сроки содержания под стражей

1. Два вида содержания под стражей

81. Кодексы различают два вида содержания под стражей: первый – «при расследовании», т.е. в период, когда компетентный орган – милиция или прокуратура – расследуют дело; второй – «за судом» (или «во время суда»), т.е. в период, когда дело слушается в суде. Хотя на практике различия между ними нет (задержанный находится в том же изоляторе), но исчисление срока содержания различное.

2. Сроки содержания под стражей «при расследовании»

82. После задержания подозреваемого помещают в изолятор и содержат «при расследовании». Максимально допустимый срок содержания под стражей «при расследовании» составляет два месяца, но в «исключительных случаях» он может быть продлен до восемнадцати месяцев. По старому УПК, продления санкционировались прокурорами по восходящей иерархической лестнице, а сейчас для продления необходимо судебное решение судов по восходящему уровню (по новому УПК). Продление содержания под стражей «при расследовании» свыше восемнадцати месяцев не разрешается (статья 97 старого УПК и статья 109 § 4 нового УПК).

83. Срок содержания под стражей «при расследовании» исчисляется до дня, когда прокурор направил дело в суд на рассмотрение (статья 97 старого УПК и статья 109 § 9 нового УПК).

84. Материалы дела должны быть предъявлены для ознакомления не позже чем за месяц до окончания установленного срока содержания под стражей (статья 97 старого УПК и статья 109 § 5 нового УПК). Если обвиняемому нужно больше времени для ознакомления с материалами дела, судья по ходатайству прокурора может продлить срок содержания под стражей до того времени, когда материалы будут полностью изучены и дело направлено в суд (статья 97 старого УПК и статья 109 § 8 (1) нового УПК). По старому УПК, такое продление могло быть не более чем на шесть месяцев.

85. По старому УПК, суд первой инстанции был вправе отправить дело на «дополнительное расследование», если устанавливал наличие процессуальных нарушений, которые не могут быть исправлены в ходе суда. В таких случаях содержание обвиняемого под стражей вновь считалось как «при расследовании», и применялись соответствующие ограничения по срокам. Если, однако, дело возвращено для дополнительного расследования, а следствие уже исчерпало все сроки для содержания под стражей «при расследовании», надзирающий прокурор мог, тем не менее, продлить срок содержания под стражей еще на один месяц, начиная со дня получения дела. Дальнейшее продление срока было возможно, только если содержание под стражей «при расследовании» не превышало восемнадцать месяцев (статья 97).

3. Сроки содержания под стражей «за судом»/«во время суда»

86. Со дня направления прокурором дела в суд первой инстанции содержание обвиняемого под стражей считается «за судом» (или «во время суда»).

87. До 14 марта 2001 года старый УПК не устанавливал ограничения срока содержания под стражей «во время суда». 14 марта 2001 года была введена новая статья 239.1, которая устанавливала, что

срок содержания под стражей «во время суда» не может, как правило, превышать шесть месяцев, считая со дня получения судом дела. Однако при наличии данных, свидетельствующих о том, что освобождение подсудимого затруднит всестороннее, полное и объективное слушание дела, суд по собственной инициативе либо по ходатайству прокурора может продлить содержание под стражей на срок не более чем три месяца. Эти положения не распространяются на обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений.

88. Новый УПК устанавливает, что срок содержания под стражей «во время суда» исчисляется со дня поступления дела в суд до дня вынесения приговора. Срок содержания под стражей «во время суда» обычно не может превышать шести месяцев, но по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях суд может продлить срок один или больше раз, но не более чем на три месяца каждый раз (статья 255 §§ 2 и 3).

Е. Судебное рассмотрение законности содержания под стражей

В период содержания под стражей «при расследовании»

89. По старому УПК, содержащийся под стражей, его адвокат или представитель могли обжаловать в суде решение прокурора о заключении под стражу и последующие решения о продлении срока содержания под стражей. Суд должен был рассмотреть законность и обоснованность ареста и продления содержания под стражей не позднее чем через три дня после получения соответствующих документов. Рассмотрение должно было проводиться *in camera* в присутствии прокурора и адвоката или представителя содержащегося под стражей. Содержащийся под стражей также должен был присутствовать, а рассмотрение в его отсутствие было возможным в исключительных обстоятельствах, если лицо, содержащееся под стражей, отказывалось от своего права присутствовать по собственной инициативе. Суд мог или оставить жалобу без удовлетворения, или отменить предварительное заключение и освободить лицо из-под стражи (статья 220.1).

Кассационная жалоба на постановление судьи подается в вышестоящий суд. Она должна быть рассмотрена в тот же срок, что и кассационные жалобы на приговор (см. ниже раздел 96) (статья 331 *in fine*).

90. По новому УПК, судебное постановление о заключении под стражу или его продлении может быть обжаловано в кассационном порядке в вышестоящем суде в течение трех суток. Кассационная инстанция должна рассмотреть жалобу в течение трех суток со дня ее поступления (статья 108 § 10).

Во время суда

91. По получении материалов дела, судья обязан решить, в частности, должен ли подсудимый оставаться под стражей или быть освобожденным до суда (статьи 222 § 5 и 230 старого УПК и статьи 228 (3) и 231 § 2 (6) нового УПК), а также вынести решение по ходатайству подсудимого об освобождении, если оно имеется (статья 223 старого УПК). Если в удовлетворении ходатайства было отказано, то новое ходатайство может быть заявлено, когда начнется суд (статья 223 старого УПК).

92. В любое время в ходе слушаний суд может избрать, изменить или отменить любую меру пресечения, включая заключение под стражу (статья 260 старого УПК и статья 255 § 1 нового УПК). Любое такое решение должно быть вынесено в совещательной комнате и подписано всеми судьями коллегии (статья 261 старого УПК и статья 256 нового УПК).

93. Кассационная жалоба на такое решение подается в вышестоящий суд. Она должна быть подана в течение десяти дней и рассмотрена в тот же срок, что и кассационная жалоба на приговор (статья 331 старого УПК и статья 255 § 4 нового УПК – см. ниже раздел 96).

Г. Сроки судебного разбирательства

94. По старому УПК, в течение 14 суток после поступления дела (если обвиняемый находится под стражей) судья должен был: (1) назначить дату судебного заседания; (2) возвратить дело для производства дополнительного расследования; (3) приостановить или прекратить дело; (4) направить дело по подсудности (статья 221). Новый УПК наделяет судью полномочиями в тот же срок: (1) направить дело по подсудности; (2) назначить дату предварительного слушания; (3) назначить дату судебного заседания (статья 227). Судебное заседание должно начаться не позднее 14 суток со дня назначения судьей даты судебного заседания (статья 239 старого УПК и статья 233 § 1 нового УПК). Никаких ограничений на назначение даты предварительного слушания не имеется.

95. Длительность судебного разбирательства не ограничена.

96. По старому УПК, суд кассационной инстанции должен был рассмотреть жалобу на приговор в течение десяти суток со дня ее поступления. В исключительных обстоятельствах, при сложности дела или если дело рассматривается Верховным Судом, этот срок мог быть продлен до двух месяцев (статья 333). Дальнейшее продление было невозможно.

Новый УПК устанавливает, что суд кассационной инстанции должен начать рассматривать жалобу не позднее одного месяца со дня ее поступления (статья 374).

III. ПРИМЕНИМЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКТЫ

97. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые на Первом конгрессе ООН по предотвращению преступлений и обращению с преступниками, состоявшемся в Женеве в 1955 году, и одобренные резолюциями Экономического и социального совета 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года, предусматривают, в частности, следующее:

“10. Все помещения, которыми пользуются заключенные, особенно все спальные помещения, должны отвечать всем санитарным требованиям, причем должное внимание следует обращать на климатические условия, особенно на кубатуру этих помещений, на минимальную их площадь, на освещение, отопление и вентиляцию.

11. В помещениях, где живут и работают заключенные:

(а) окна должны иметь достаточные размеры для того, чтобы заключенные могли читать и работать при дневном свете, и должны быть сконструированы так, чтобы обеспечить доступ свежего воздуха, независимо от того, существует ли или нет искусственная система вентиляции;

(б) искусственное освещение должно быть достаточным для того, чтобы заключенные могли читать или работать без опасности для зрения.

12. Санитарные установки должны быть достаточными для того, чтобы каждый заключенный мог удовлетворять свои естественные потребности, когда ему это нужно, в условиях чистоты и пристойности.

13. Банные установки и количество душей должно быть достаточным для того, чтобы каждый заключенный мог и был обязан купаться или принимать душ при подходящей для каждого климата температуре и так часто, как того требуют условия общей гигиены, с учетом времени года и географического района, то есть во всяком случае хотя бы раз в неделю в умеренном климате.

14. Все части заведения, которыми заключенные пользуются регулярно, должны всегда содержаться в должном порядке и самой строгой чистоте.

15. От заключенных нужно требовать, чтобы они содержали себя в чистоте. Для этого их нужно снабжать водой и туалетными принадлежностями, необходимыми для поддержания чистоты и здоровья.

19. Каждому заключенному следует обеспечивать отдельную койку в соответствии с национальными или местными нормами, снабженную отдельными спальными принадлежностями, которые должны быть чистыми в

момент их выдачи, поддерживаться в исправности и меняться достаточно часто, чтобы обеспечивать их чистоту.

20. (1) Тюремное управление должно в обычные часы обеспечивать каждому заключенному пищу, достаточно питательную для поддержания его здоровья и сил, имеющую достаточно хорошее качество, хорошо приготовленную и поданную.

(2) Каждый заключенный должен располагать питьевой водой, когда он испытывает в ней потребность.

21. (1) Все заключенные, не занятые работой на свежем воздухе, имеют ежедневно право, по крайней мере, на час подходящих физических упражнений на дворе, если это позволяет погода.

45... (2) Перевозка заключенных в условиях недостаточной вентиляции или освещения или же в любых других физически излишне тяжелых условиях подлежит запрещению...”*

98. В применимых извлечениях из общих докладов, подготовленных Европейским комитетом по предотвращению пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания (СРТ), указывается следующее:

Извлечение из 2-го Общего доклада [СРТ/Inf (92) 3]

“46. Переполненность – это вопрос, имеющий прямое отношение к мандату СРТ. Все службы и деятельность тюрьмы будут находиться под отрицательным воздействием, если тюрьме придется обслуживать больше заключенных, чем она рассчитана; общее качество жизни в таком учреждении понизится, возможно, существенно. Более того, уровень переполненности в тюрьме или в отдельной ее части может быть таким, что будет сам по себе бесчеловечным и унижающим достоинство с физической точки зрения.

47. Достаточная программа деятельности (работа, учеба, спорт и т.п.) имеет ключевую важность для благоденствия заключенных... Заключенных нельзя оставлять томиться неделями, а возможно и месяцами закрытыми в камерах, причем независимо от того, насколько хорошими могут быть материальные условия в камерах. СРТ считает, что необходимо стремиться к тому, чтобы обеспечить заключенным в местах лишения свободы возможность разумную часть дня (8 или более часов) быть вне камер, занимаясь различной содержательной деятельностью...

48. Особо должны быть упомянуты прогулки на открытом воздухе. Требование о том, чтобы заключенным позволялось ежедневно минимум один час гулять на открытом воздухе широко признано как основная гарантия... Само собой разумеется также, что место для прогулок должно быть разумно просторным...

* Официальный перевод ООН. – примеч. переводчика.

49. Неограниченный доступ к пристойным санитарно-гигиеническим удобствам и поддержание достойных гигиенических стандартов являются существенными составляющими человеческих условий жизни...

50. СРТ хотел бы добавить, что он особо озабочен, когда обнаруживает переполненность, плохо налаженную деятельность и недостаточный доступ к туалету или служащим для мытья удобствам в одном и том же учреждении. Общее воздействие таких условий на заключенных может быть чрезвычайно пагубным.

51. Для заключенных также очень важно поддерживать разумно хороший контакт с окружающим миром. В первую очередь заключенному должна быть предоставлена возможность для сохранения отношений с семьей и близкими друзьями. Руководящим принципом должен быть принцип поощрения контактов с окружающим миром; любое ограничение таких контактов должно основываться исключительно на существенных озабоченностях безопасностью или на ресурсах...”

Извлечения из 7-го Общего доклада [СРТ/Inf (97) 10]

“13. Как СРТ указывал в своем 2-м Общем докладе, переполненность тюрем – это вопрос, имеющий прямое отношение к мандату Комитета (ср. СРТ/Inf (92) 3, § 46). Переполненная тюрьма – это стесненное и нездоровое проживание; постоянное отсутствие уединения (даже при выполнении такой основополагающей задачи, как пользование гигиеническими удобствами); ограниченная деятельность вне камеры из-за того, что потребности опережают количество персонала и имеющиеся возможности; перегруженность службы здравоохранения; повышенная напряженность и, как следствие, большая жестокость в отношениях между заключенными и между заключенными и персоналом. Этот список далеко не исчерпан.

СРТ не раз убеждался, что отрицательные воздействия переполненности имели следствием бесчеловечные и унижающие достоинство условия содержания...”

Извлечение из 11-го Общего доклада [СРТ/Inf (2001) 16]

“28. Явление переполненности тюрем продолжает пагубно влиять на пенитенциарные системы во всей Европе и серьезно подрывает попытки улучшить условия содержания под стражей. Негативные последствия переполненности тюрем были уже описаны в предыдущих общих докладах...”

29. В ряде стран, которые посетили представители СРТ, особенно в Центральной и Восточной Европе, заключенные размещаются в рассчитанных на большое количество людей казармах, где находятся все или большая часть удобств, используемых ими повседневно – жилая и спальная зоны, а также санитарно-гигиенические приспособления. СРТ возражает против самого принципа такой организации размещения в закрытых тюрьмах, и эти возражения усиливаются, когда, как это часто бывает, в таких казармах заключенные содержатся в чрезвычайно стесненных и вредных для здоровья условиях... Большие казармы неминуемо предполагают отсутствие уединения у заключенных в их повседневной жизни... Все эти проблемы обостряются, когда

количество содержащихся выходит за разумный уровень; более того, в подобной ситуации чрезмерная нагрузка на коммунальные удобства, такие как раковина или туалет, или недостаточная вентиляция для такого множества людей часто ведут к прискорбным условиям.

30. Представители СРТ часто видят такие приспособления, как металлические жалюзи, рейки или листы, вмонтированные в окна камер, лишаящие заключенных естественного освещения и доступа свежего воздуха в помещение. Особенно часто они встречаются в учреждениях предварительного заключения. СРТ полностью согласен, что особые меры безопасности для предотвращения сговора и/или преступной деятельности вполне необходимы в отношении некоторых заключенных... Даже если такие меры необходимы, они никогда не должны относиться к лишению этих заключенных естественного освещения и свежего воздуха. И то, и другое является основным фактором жизни, на который имеет право каждый заключенный...”

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

99. Заявитель жаловался на то, что условия его содержания в СИЗО № ОД-1/Т-2 «Владимирский централ» и доставки в суд и из суда составляли нарушение статьи 3 Конвенции, в которой говорится:

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию”.

A. Условия содержания в учреждении № ОД-1/Т-2

1. Аргументы сторон

100. Правительство утверждает, что в учреждении № ОД-1/Т-2 на заявителя приходилось не менее 2 кв. м площади. У него была индивидуальная койка и ему выдавалось постельное белье. Санитарные условия были удовлетворительными, была водопроводная вода и заключенные могли пользоваться своими собственными кипяtilьниками. Заявитель ежедневно имел прогулку не менее часа, а питание было в соответствии с установленными нормами. Заявителю разрешалось говорить и переписываться с родственниками по-русски, потому что не было штатного переводчика с таджикского языка и потому что закон не предусматривает присутствие переводчика на свиданиях с родственниками. Заявитель не жаловался на притеснения

или угрозы со стороны других заключенных или контролеров учреждения.

101. Заявитель опровергает утверждения правительства как не соответствующие фактам. Он отмечает, что количество заключенных в камерах было значительно больше, чем указывало правительство, что в камерах были паразиты и что в них было чрезмерно влажно. Расположение и отгородка туалета ни в коей мере не обеспечивали уединения и способствовали еще большему заражению камеры паразитами. Качество пищи было полностью неудовлетворительным. Реальной возможности для прогулок не было, поскольку прогулочные дворики были переполнены, а также перекрыты металлической крышей, которая сильно ограничивала приток свежего воздуха. Заявитель утверждает, что условия его содержания противоречат пунктам 12, 15 и 20 (1) и (2) Минимальных стандартных правил обращения с заключенными (цитировались выше). Он считает, что требование говорить по-русски с его маленькими детьми, которые говорят только по-таджикски, было унижающим достоинство и оскорбительным. Он, наконец, отмечает, что после освобождения у него были обнаружены такие заболевания, как гипертония и простатит, которые он получил в период содержания под стражей.

Оценка Суда

102. Как Суд уже указывал неоднократно, статья 3 Конвенции содержит в себе одну из основополагающих ценностей демократического общества. Она запрещает в категорической форме пытки или бесчеловечное и унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств и поведения жертвы (*Labita v. Italy* [GC], по. 26772/95, § 119, ECHR 2000-IV). Однако для того, чтобы подпасть под статью 3 Конвенции, дурное обращение должно достичь минимального уровня жестокости. Оценка этого минимального уровня жестокости относительна: она зависит от таких обстоятельств дела, как продолжительность обращения, его физических и психологических последствий, а в некоторых случаях от пола, возраста и состояния здоровья жертвы (*Valašinas v. Lithuania*, по. 44558/98, §§ 100-101, ECHR 2001-VIII).

103. Суд постоянно подчеркивал, что переживаемые страдания и унижения должны в любом случае превышать неизбежный элемент страданий и унижения, связанный с установленной формой законного обращения или наказания. В соответствии с этим положением, государство должно обеспечить содержание лица под стражей в условиях, совместимых с его человеческим достоинством, а также то, чтобы способ и метод исполнения этого не подвергал его страданиям и мукам такой интенсивности, которая бы превышала неизбежный уровень страданий, присущий заключению, и чтобы поддерживалось

его здоровье и благоденствие с учетом практических требований заключения (цитировавшееся выше дело *Valašinas*, § 102; *Kudla v. Poland* [GC], no. 30210/96, § 94, ECHR 2000-XI). При оценке условий содержания необходимо учитывать кумулятивный эффект, равно как и конкретные утверждения заявителя (*Dougoz v. Greece*, no. 40907/98, § 46, ECHR 2001-II). Продолжительность содержания под стражей также является относящимся к этому вопросу фактором.

104. Суд отмечает, что в данном деле у сторон существуют разногласия по поводу реальных условий содержания заявителя во владимирском СИЗО № ОД-1/Т-2. Однако Суду нет надобности устанавливать истину по каждому или по всем утверждениям, поскольку он признает нарушение статьи 3 на основе фактов, которые были представлены или не оспаривались Правительством-ответчиком, по следующим причинам.

105. Основной параметр, по которому согласны стороны, – это размеры камер. Заявитель утверждает, что количество заключенных в камере значительно превышало то, на которое она рассчитана; Правительство представило справку начальника СИЗО, свидетельствующую, что временами количество людей в камере превышало количество коек (камеры №№ 4-13, 4-9, 3-3, 3-51, см. выше раздел 59). Отсюда следует, что заключенные, включая заявителя, использовали спальные места совместно, отдыхая по очереди. В меньших камерах площадью 12 или 24 кв. м 4-го корпуса, где заявитель содержался до декабря 2000 года, на каждого заключенного приходилось менее 2 кв. м площади, а в больших камерах 3-го корпуса, в которых заявитель находился до своего освобождения в мае 2004 года, – менее 3 кв. м, даже когда камеры были заполнены меньшим количеством людей, чем расчетное. Стороны также согласны с тем, что за исключением одного часа для ежедневной прогулки заявитель весь день был заперт в камере, в которой были все удобства и предметы ежедневного пользования заключенных – раковина, туалет, столовая утварь. В таких условиях заявитель содержался более четырех лет и трех месяцев.

106. В этой связи Суд отмечает, что в деле *Peers* даже значительно большая камера (7 кв. м на двух человек) была признана как существенный фактор для установления нарушения статьи 3, хотя в этом деле вопрос площади сочетался с установленным недостатком вентиляции и освещения (*Peers v. Greece*, no. 28524/95, §§ 70-72, ECHR 2001-III). Данная ситуация также сопоставима с ситуацией в деле *Калашникова*, когда на заявителя в заключении приходилась площадь менее 2 кв. м. В том деле Суд решил, что такой уровень перенаселенности сам по себе вызывает вопрос на основании статьи 3 Конвенции (*Калашников против России*, no. 47095/99, §§ 96-97, ECHR 2002-VI). В противоположность этому, в других делах не было

установлено нарушение статьи 3, поскольку ограниченная площадь помещения для сна была компенсирована свободой передвижения заключенных в дневное время (цитирувавшееся выше дело *Valašinas*, §§ 103 and 107; *Нурмагомедов против России* (постановление), по 30138/02, 16 сентября 2004 года).

107. Суд считает недостаток площади центральным звеном своего анализа. Тот факт, что заявитель должен был жить, спать и пользоваться туалетом в одной и той же камере при такой малой площади, приходящейся на него, сам по себе был достаточным для того, чтобы причинить страдания или вызвать трудности такого уровня, который превышает неизбежный уровень страданий, присущий заключению, и вызвать в нем чувства боли и неполноценности, способные его оскорбить и унижить достоинство (цитируемые выше дела *Peers* и *Калашникова*; см. также 11-й Общий доклад СРТ, § 29). Эти чувства еще больше усилились в результате непомерного срока его содержания под стражей.

108. Кроме того, хотя в этом деле не может быть установлено «без обоснованного сомнения», что вентиляция, обогрев, освещение и санитарно-гигиенические условия в учреждении были неприемлемы с точки зрения статьи 3, Суд с беспокойством отмечает, что туалет не имел системы смыва, что до декабря 2002 года окна камер имели металлические жалюзи, перекрывающие доступ свежего воздуха и уличного света (ср. 11-й Общий доклад СРТ, § 30) и что заявителю разрешалось говорить с его близкими родственниками на языке, которого они не знали, что затрудняло его контакты с семьей. Правительство не упоминает о том, что такие ограничения обосновывались существенной озабоченностью безопасностью (ср. 2-й Общий доклад СРТ, § 51). Эти аспекты в сочетании с нехваткой площади, приходящейся на одного человека, свидетельствуют, что условия содержания заявителя превысили порог, допускаемый статьей 3 Конвенции.

109. Следовательно Суд приходит к заключению, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в части, касающейся условий содержания заявителя под стражей в СИЗО № ОД-1/Т-2.

В. Условия транспортировки между СИЗО и судом

110. Правительство считает, что условия транспортировки соответствовали внутренним нормам, и что конвой не допускал каких либо нарушений соответствующих законов.

111. Заявитель утверждает, что условия транспортировки между СИЗО и Владимирским областным судом были бесчеловечными и унижающими достоинство. «Сборные камеры» и отделения для перевозки в фургоне были чрезвычайно переполнены, и в них не

поступал естественный свет и воздух. Ему не давали питания и воды весь день, и кумулятивным результатом таких условий было моральное и физическое истощение. По его мнению, такие условия противоречили § 45 (2) Минимальных стандартных правил обращения с заключенными.

2. Оценка Суда

112. Суд повторяет, что заявления о дурном обращении должны подтверждаться соответствующими доказательствами. При оценке доказательств суд обычно применял норму доказательства «без обоснованного сомнения». Однако такое доказательство может следовать из сочетания достаточно твердых, четких и совпадающих выводов или подобных же неоспоримых допущений факта (см. *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII).

113. Суд отмечает, что единственная информация об условиях доставки из СИЗО во Владимирский областной суд была представлена заявителем. Его информация подтверждается письменными показаниями его четырех бывших сокамерников. Суд повторяет, что делопроизводство в соответствии с Конвенции, такое как настоящая жалоба, не во всех случаях требует строгого применения принципа *affirmanti incumbit probatio* (тот, кто что-то утверждает, должен доказать это утверждение), поскольку в некоторых случаях только Правительство-ответчик имеет доступ к информации, которая может подтвердить или опровергнуть эти утверждения. Непредставление Правительством такой информации без удовлетворительных объяснений может дать повод для вывода об обоснованности утверждений заявителя (см. *Ahmet Özkan and Others v. Turkey*, no. 21689/93, § 426, 6 апреля 2004 года).

114. Действительно, в настоящем деле заявитель не имел возможности точно измерить отделения тюремного фургона или получить справку об уровне их заполнения. Однако Правительство могло бы без труда сообщить подробности в доказательство своей позиции, но не сделало этого и не объяснило причин уклонения от предоставления такой информации. В действительности оно ограничилось утверждением, что условия соответствовали установленным нормам и что время доставки было вдвое меньше, чем говорил заявитель. Никаких норм или правил, касающихся тюремных фургонов, предоставлено не было. При таких обстоятельствах Суд рассмотрит существо жалобы на основе информации заявителя.

115. Заявитель утверждает, что в дни судебных заседаний его доставляли в суд в тюремном фургоне, где он размещался в «индивидуальном» отделении площадью 1 кв. м вместе с другим заключенным. Он весь день не получал пищи, и пропускал прогулки, а иногда и возможность принять душ.

116. Суд прежде не рассматривал соответствие условий доставки как таковых требованиям статьи 3 Конвенции (однако, что касается применения наручников и/или надевания повязки на глаза заключенных во время транспортировки, см. *Öcalan v. Turkey* [GC], по. 46221/99, §§ 182-184, ECHR 2005-...; и *Raninen v. Finland*, постановление от 16 декабря 1997 года, *Reports* 1997-VIII, §§ 56-59). Поэтому он будет руководствоваться выводами Европейского комитета по предотвращению пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания (СРТ).

117. Что касается транспортировки заключенных, то СРТ счел индивидуальные отделения площадью 0,4, 0,5 или даже 0,8 кв. м непригодными для перевозки человека, независимо от времени в пути (см. СРТ/Inf (2004) 36 [Азербайджан], § 152; СРТ/Inf (2004) 12 [Люксембург], § 19; СРТ/Inf (2002) 23 [Украина], § 129; СРТ/Inf (2001) 22 [Литва], § 118; СРТ/Inf (98) 13 [Польша], § 68). В настоящем деле индивидуальные отделения тюремного фургона (площадью один кв. м) не нарушали бы нормы СРТ, если бы не нарушалась расчетная вместимость, если бы они были достаточно освещены, вентилировались и обогревались и если бы были оснащены подходящими сидениями и приспособлениями, предотвращающими потерю равновесия заключенными во время движения автомобиля (ср. СРТ/Inf (2002) 36 [Словения], § 95).

118. Однако заявитель должен был находиться в индивидуальном отделении вместе с другим заключенным, и эти двое по очереди сидели друг у друга на коленях. Упомянувшиеся выше выводы СРТ дают основание полагать, что такая ситуация не была бы им признана приемлемой. Равным образом и Суд считает неприемлемым помещение двух заключенных в отделение площадью один кв. м с одним сидением. Правительство заявляет, что дорога занимала только 30 минут, но заявитель говорит, что по пути фургон заезжал в другие изоляторы. Поскольку заключенные в это время оставались в фургоне, то было бы правильным делать оценку на основе утверждения заявителя о том, что путь занимал до одного часа. В любом случае Суд находит, что такая организация транспортировки недопустима независимо от ее продолжительности.

119. Суд обращает внимание на то, что заявитель должен был выдерживать такую давку дважды в день – на пути в суд и из суда и что его перевозили в таком фургоне не менее 200 раз за четыре года заключения. В эти дни он не получал пищи и пропускал прогулки. Также относится к оценке Суда вопрос о том, что заявителя продолжали подвергать такому обращению во время судебного разбирательства его дела или при рассмотрении ходатайств о продлении срока его содержания под стражей, то есть тогда, когда он больше всего нуждался в концентрации сил и живости ума.

120. Суд приходит к заключению, что обращение с заявителем во время доставки во Владимирский областной суд и обратно превышали минимальный уровень жестокости и что имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 § 1 КОНВЕНЦИИ

121. На основании статьи 5 § 1 (с) Конвенции заявитель жаловался на то, что его содержание под стражей было незаконным. В соответствующей части статьи 5 говорится следующее:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения...”

1. Аргументы сторон

122. Заявитель утверждает, что 8 августа 2001 года Верховный Суд отменил постановление о продлении срока содержания под стражей как незаконное и направил вопрос о его содержании под стражей на новое рассмотрение; соответственно его содержание под стражей с 28 апреля 2001 года и далее не было «законным» по смыслу статьи 5 § 1. После того как дело было направлено в суд 4 сентября 2001 года, областному суду понадобилось более четырех месяцев, вместо четырнадцати дней по старому УПК, чтобы провести первое заседание и рассмотреть его ходатайство об освобождении. Постановление от 9 января 2003 года не отвечало требованиям с точки зрения обоснованности: заявитель был оставлен под стражей только на основании тяжести предъявленных ему обвинений. Заявитель далее утверждает, что ни решение областного суда от 13 марта 2002 года, ни решение Верховного Суда от 12 сентября 2002 года не содержало доводов за или против его освобождения. Он указывает, что 12 сентября 2002 года Верховный Суд рассматривал ходатайство только 30 минут. Заявитель жалуется, что 18 ноября 2002 года областной суд продлил срок его содержания под стражей ретроспективно в отношении предыдущих двух месяцев и 15 дней и такое же

ретроспективное продление было сделано 4 декабря 2002 года в отношении предыдущего дня.

123. Правительство утверждает, что весь срок содержания под стражей соответствовал национальным процессуальным нормам и не был произвольным. 28 апреля 2001 года Владимирский областной суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 4 сентября 2001 года с тем, чтобы дать ему дополнительное время для ознакомления с делом. 8 августа 2001 года Верховный Суд отменил это постановление по процессуальным основаниям и оставил заявителя под стражей. С 4 сентября 2001 года по 9 января 2002 года Владимирский областной суд рассматривал дело заявителя. С 13 марта по 7 октября 2002 года дело рассматривал Верховный Суд Российской Федерации. По мнению Правительства, российское уголовно-процессуальное законодательство не требовало продления срока содержания заявителя под стражей в последний период. 12 сентября 2002 года Верховный Суд вернул дело во Владимирский областной суд, который получил его 7 октября 2002 года. К этому времени вступил в действие новый УПК, и новое слушание было назначено на 18 ноября 2002 года. В этот день срок содержания заявителя под стражей был продлен до 3 декабря 2002 года.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

124. Суд повторяет, что выражение «законное» и «в порядке, установленном законом» в статье 5 § 1 по существу относятся к национальному законодательству и устанавливают обязательство соответствовать его материальным и процессуальным нормам.

Однако «законность» ареста по национальному законодательству не всегда является решающим фактором. Суд, кроме того, должен убедиться, что содержание под стражей в рассматриваемый период соответствовало цели статьи 5 § 1 Конвенции, которая заключается в том, чтобы предотвратить произвольное лишение людей свободы.

125. Более того, Суд должен выяснить, соответствует ли само национальное законодательство Конвенции, включая общие принципы, выраженные или воплощенные в нем. В связи с этим вопросом Суд подчеркивает, что при лишении свободы особенно важно, чтобы соблюдался общий принцип правовой определенности. Поэтому важно, чтобы были четко определены условия лишения свободы по национальному законодательству и чтобы закон сам по себе был предвидим с точки зрения применения с тем, чтобы он отвечал установленной Конвенцией норме «законности» – норме, которая требует, чтобы все законы были достаточно четкими, чтобы дать возможность человеку – если необходимо, при соответствующей

рекомендации – предвидеть в разумных пределах в конкретных обстоятельствах последствия, которые данное действие может иметь (см. *Ječius v. Lithuania*, no. 34578/97, § 56, ECHR 2000-IX; *Baranowski v. Poland*, no. 28358/95, §§ 50-52, ECHR 2000-III).

(b) Рамки рассмотрения Судом

126. В своем решении от 22 февраля 2005 года по вопросу о приемлемости настоящей жалобы Суд провозгласил приемлемыми жалобы заявителя, касающиеся законности его содержания под стражей после 4 мая 2001 года. Последний период содержания под стражей, который заявитель обжаловал, закончился 4 декабря 2002 года.

Следовательно Суд рассмотрит законность содержания под стражей заявителя в период с 4 мая 2001 года по 4 декабря 2002 года.

(c) Содержание под стражей в период с 4 мая по 8 августа 2001 года

127. Суд отмечает, что 28 апреля 2001 года Владимирский областной суд по ходатайству прокурора продлил срок содержания заявителя под стражей до 4 сентября 2001 года. 8 августа 2001 года Верховный Суд отменил это постановление из-за существенных нарушений уголовно-процессуального законодательства и направил вопрос о содержании под стражей на новое рассмотрение. 15 августа 2002 года областной суд вновь рассмотрел ходатайство и постановил содержать заявителя под стражей с 4 мая по 4 сентября 2001 года.

128. Необходимо определить, было ли содержание под стражей в этот период «законным», включая то, было ли оно «в порядке, установленном законом». Суд повторяет, что период содержания под стражей будет в принципе законным, если он был по постановлению суда. Последующие данные о том, что в соответствии с национальным законодательством суд ошибся с постановлением, не обязательно ретроспективно затронет законность промежуточного периода заключения. По этой причине органы Конвенции последовательно отказывались удовлетворять жалобы лиц, осужденных за уголовные преступления, которые жаловались на то, что их осуждение или наказание кассационная инстанция нашла основанными на фактических или правовых ошибках (см. *Benham v. the United Kingdom*, постановление от 10 июня 1996 года, *Reports* 1996-III, § 42).

129. В настоящем деле Суд рассмотрит, представляло ли постановление о содержании под стражей от 28 апреля 2001 года законную основу для содержания заявителя под стражей до того, как оно было отменено 8 августа 2001 года. Только тот факт, что постановление было отменено по кассационной жалобе, сам по себе не влияет на законность содержания под стражей в прошедший период. Для оценки соответствия статье 5 § 1 Конвенции необходимо сделать

коренное разграничение между *ex facie* не имеющими законной силы постановлениями о содержании под стражей, например, вынесенных судом с превышением своей юрисдикции, или когда заинтересованная сторона не была должным образом извещена о заседании, и постановлениями о содержании под стражей, которые *prima facie* имеют законную силу и действуют, если и пока они не отменены вышестоящим судом (цитирувавшееся выше дело *Benham*, §§ 43 и 46; *Lloyd and Others v. the United Kingdom*, nos. 29798/96 et seq., §§ 108, 113 и 116, ср. также § 83, 1 марта 2005 года).

130. Не утверждалось, что 28 апреля 2001 года областной суд действовал с превышением своей юрисдикции. Действительно, по национальному законодательству он имел полномочия рассматривать ходатайство прокурора о продлении срока содержания заявителя под стражей и удовлетворить его на срок, не превышающий шесть месяцев, до того, как заявитель закончил знакомиться с делом и дело было направлено в суд (см. выше раздел 84).

131. Кроме того, Суд считает, что нельзя говорить о том, что содержание заявителя под стражей на основании постановления от 28 апреля 2001 года было произвольным, поскольку суд привел определенные доводы в обоснование продления содержания под стражей. Обоснованность и относимость этих доводов будет рассмотрена ниже с точки зрения статьи 5 § 3 Конвенции.

132. Таким образом, не было установлено, что, принимая постановление о содержании под стражей от 28 апреля 2001 года, областной суд действовал недобросовестно или пренебрег стремлением правильно применить соответствующий закон. Тот факт, что при кассационном рассмотрении были обнаружены некоторые процессуальные упущения, не означает сам по себе, что содержание под стражей было незаконным (см. *Gaidjurgis v. Lithuania* (решение), no. 49098/99, 16 января 2001 года; цитирувавшееся выше дело *Benham*, § 47; ср. также *Bozano v. France*, постановление от 18 декабря 1986 года, Series A no. 111, § 59).

133. В данных обстоятельствах Суд приходит к заключению, что не имело место нарушение статьи 5 § 1 Конвенции в части, касающейся содержания заявителя под стражей в период с 4 мая по 8 августа 2001 года.

(d) Содержание под стражей в период с 8 августа по 4 сентября 2001 года

134. Суд отмечает, что 8 августа 2001 года Верховный Суд, отменив постановление областного суда, признав, что мера пресечения в отношении заявителя «должна остаться без изменения». Правительство считает, что решение Верховного Суда составляло «законную» основу для содержания заявителя под стражей после 8 августа 2001 года.

135. Суд отмечает, что в ряде дел против Литвы он признал, что решение суда первой инстанции оставить меру пресечения «без изменения» не нарушает само по себе статью 5 § 1 постольку, поскольку суд первой инстанции «действовал в рамках своей юрисдикции... [и] обладал полномочиями принять соответствующее постановление» (цитирувавшеся выше дело *Ječius*, § 69; *Stašaitis v. Lithuania* (решение), no. 47679/99, 28 ноября 2000 года; *Karalevičius v. Lithuania* (решение), no. 53254/99, 6 июня 2002 года). В постановлении по делу *Stašaitis* он отметил, однако, что «отсутствие каких-либо обоснований в решении судебных властей о содержании под стражей в течение длительного периода времени может быть несовместимо с принципом защиты от произвола, содержащимся в статье 5 § 1 (*Stašaitis v. Lithuania*, no. 47679/99, § 67, 21 марта 2002 года).

136. Суд обращает внимание на то, что Верховный Суд никак не обосновал свое решение о содержании заявителя под стражей. Не установил он также срока ни для продолжения содержания под стражей, ни для нового рассмотрения областным судом вопроса о содержании под стражей. Произошло так, что областной суд не принимал нового решения более года, до 15 августа 2002 года, а Верховный Суд оставил это решение без изменения по последней инстанции в январе 2003 года. Без учета сопутствующего развития событий в деле заявителя (рассматривается ниже), становится очевидным, что в течение более года заявитель оставался в состоянии неопределенности относительно оснований для своего содержания под стражей после 8 августа 2001 года. Отсутствие обоснований в решении Верховного Суда вызывает еще большее сожаление в связи с тем, что к тому времени заявитель провел в заключении два года и шесть месяцев без надлежащего судебного решения, содержащего детальное обоснование его содержания под стражей.

137. В этих обстоятельствах Суд считает, что решение Верховного Суда от 8 августа 2001 года не соответствует требованиям четкости, предсказуемости и защиты от произвола, которые вместе являются существенными элементами «законности» ареста по смыслу статьи 5 § 1.

138. Остается определить, могло ли решение областного суда от 15 августа 2002 года, оставленное без изменения кассационной инстанцией 23 января 2003 года, представлять «законную» основу для содержания заявителя под стражей в период с 8 августа по 4 сентября 2001 года.

139. Как отмечалось выше, решение от 15 августа 2002 года было принято больше чем через год после того, как истек санкционированный этим решением срок содержания под стражей. Правительство не указывает на внутренние правовые положения,

позволяющие принимать решение о содержании под стражей ретроспективно. Наоборот, общие положения *habeas corpus* требуют, чтобы начальник изолятора освободил любого заключенного, как только установленный законом срок его содержания под стражей закончился и нет никакого постановления о его продлении (статья 11 старого УПК).

140. Такова и точка зрения Конституционного Суда России, который установил, что российское законодательство «не включает положений, которые бы предусматривали возможность принятия судом решения о продлении срока содержания под стражей обвиняемого уже после истечения ранее установленного срока и тем самым допускали бы содержание лица под стражей в течение определенного периода времени без судебного решения» (см. выше раздел 56).

141. Отсюда следует, что содержание заявителя под стражей тогда, когда оно было санкционировано судебным решением, принятым в отношении прошедшего периода, не было «законным» по национальному законодательству.

142. Кроме того, Суд считает, что любое *ex post facto* санкционирование содержания под стражей не совместимо с правом на «личную неприкосновенность», поскольку оно неизбежно связано с произволом. Позволение заключенному томиться под стражей без конкретно обоснованного судебного решения и без конкретно установленного срока, равносильно попранию статьи 5, норме, которая делает заключение под стражу исключением из права на свободу, допустимым в исчерпывающе приведенных и строго определенных случаях.

143. Следовательно, Суд приходит к заключению, что имело место нарушение статьи 5 § 1 Конвенции в части, касающейся содержания заявителя под стражей в период с 8 августа по 4 сентября 2001 года.

(е) Содержание под стражей в период с 4 сентября 2001 года по 9 января 2002 года

144. Суд далее отмечает – и это не оспаривалось сторонами, – что со дня истечения 4 сентября 2001 года срока санкционированного содержания под стражей и до последующего решения Владимирского областного суда в связи с ходатайством об освобождении 9 января 2002 года не было решения ни прокурора, ни судьи, санкционирующего содержание заявителя под стражей. Стороны также сходятся в том, что в этот период заявитель содержался под стражей на основании того факта, что его уголовное дело было направлено в компетентный суд для рассмотрения

145. Правительство настаивает, что содержание под стражей было законным, поскольку оно соответствовало материальным и

процессуальным нормам уголовно-процессуального законодательства. От областного суда не требовалось продлевать срок содержания заявителя под стражей или придавать ему законную силу каким-либо другим способом.

146. Суд уже рассматривал и находил нарушение статьи 5 § 1 в ряде дел, касающихся практики содержания обвиняемых под стражей только на основании того, что обвинительное заключение направлено в компетентный суд для рассмотрения (см. цитировавшееся выше дело *Baranowski*, §§ 53-58; цитировавшееся выше дело *Ječius*, §§ 60-64). Он признавал, что практика содержания обвиняемых под стражей без конкретной правовой базы или четких правил, регулирующих их положение, в результате чего они могут быть без судебного решения лишены свободы на неограниченный срок, является несовместимой с принципами правовой определенности и защиты от произвола, которые красной нитью проходят через Конвенцию и нормы права (*ibid.*).

147. Суд не усматривает причин для того, чтобы делать другое заключение в данном деле. Известно, что в отличие от польского законодательства в соответствующее время, которое не устанавливало ограничения срока для содержания под стражей после передачи обвинительного заключения в суд (см. дело *Baranowski*, §§ 31-35, в частности последний раздел постановления Верховного Суда Польши от 6 февраля 1997 года), российское уголовно-процессуальное законодательство устанавливало ограничение срока. В течение четырнадцати дней по получении дела суд должен был решить, готово ли дело для слушания, и если так, то назначить дату заседания и вынести решения об освобождении или продлении содержания под стражей обвиняемого (см. выше разделы 91 и 94). Таким образом, содержание под стражей без постановления было ограничено максимум четырнадцатью сутками, по крайней мере, теоретически.

148. Суд, однако, не убежден, что наличие ограничения срока в российском законодательстве на деле отличает настоящее дело от дел *Baranowski* и *Ječius*.

149. Во-первых, для того, чтобы содержание под стражей отвечало критерию «законности», оно должно иметь основу в национальном законодательстве (см. выше раздел 124). Правительство, однако, не указало на какое-либо правовое положение, которое позволяло продолжать содержать обвиняемого под стражей после истечения санкционированного срока. Суд отмечает, что в соответствии с Конституцией России и уголовно-процессуальным законодательством полномочиями заключать под стражу или продлевать срок содержания под стражей наделены прокуроры и суды (см. выше раздел 78). Никакие исключения из этого правила не разрешались и не предусматривались, сколь бы ни был коротким срок содержания под

стражей. Как отмечалось выше, в период, о котором идет речь, не было ни санкции прокурора, ни судебного решения, разрешающих содержание заявителя под стражей. Отсюда следует, что заявитель находился в правовом вакууме, не предусмотренном никакой правовой нормой.

150. Кроме того, как в настоящем деле, когда Владимирскому областному суду понадобилось более четырех месяцев для принятия решения о мере пресечения, на практике не был соблюден и четырнадцатидневный срок. Правительство никаким образом это не объяснило.

151. Отсюда следует, что в период с 4 сентября 2001 года по 9 января 2002 года не было правового национального решения или другого «законного» основания для содержания заявителя под стражей. Сам по себе факт передачи дела в суд на рассмотрение, по смыслу статьи 5 § 1 Конвенции, не представляет «законного» основания для непрерывного содержания заявителя под стражей. Таким образом, в отношении этого периода имело место нарушение статьи 5 Конвенции.

(f) Содержание под стражей в период с 9 января по 13 марта 2002 года

152. Суд отмечает, что 9 января 2002 года Владимирский областной суд определил дату начала слушаний и отказал в удовлетворении ходатайства заявителя об освобождении. Он оставил заявителя и других, проходящих по делу, в заключении ввиду тяжести предъявленных им обвинений.

Принимая такое решение, суд первой инстанции действовал в рамках своих полномочий, и нет оснований полагать, что оно не имело силы или было незаконным в соответствии с национальным законодательством. Вопрос о том, были ли основания для принятия решения достаточными и относимыми, анализируется ниже в связи с вопросом соответствия статье 5 § 3. В решении по делу *Stašaitis* (цитировалось выше) Суд признал, что подобное решение суда первой инстанции соответствует требованиям статьи 5 § 1 Конвенции. В настоящем деле нет ничего, чтобы прийти к другому заключению.

153. Суд приходит к заключению, что не имело место нарушение статьи 5 § 1 Конвенции в части, касающейся содержания заявителя под стражей в период с 9 января по 13 марта 2002 года.

(g) Содержание под стражей в период с 13 марта по 12 сентября 2002 года

154. Суд отмечает, что 13 марта 2002 года Владимирский областной суд обнаружил некоторые процессуальные нарушения и вернул дело в прокуратуру для их исправления. Он продлил срок содержания заявителя под стражей на неопределенный период. Заявитель обратился с жалобой, в которой, в частности, отмечал, что

следствие уже исчерпало весь срок, разрешенный для содержания под стражей «при расследовании», и дальнейшие его продления не допускаются. 12 сентября 2002 года Верховный Суд отменил решение областного суда по процессуальным основаниям без рассмотрения доводов заявителя, относящихся к законности его содержания под стражей.

155. Суд обращает внимание, что в то время нормы закона, касающиеся содержания под стражей, позволяли содержать под стражей «при расследовании» до 18 месяцев плюс 6 месяцев по решению суда, если обвиняемые нуждались в большем времени для ознакомления с делом, и еще дополнительный месяц по решению надзирающего прокурора, если дело возвращалось на дополнительное расследование (см. выше разделы 82-85).

156. Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что восемнадцатимесячный срок содержания под стражей «при расследовании» истек 4 апреля 2001 года.¹ Прокурор тогда добавил месяц содержания под стражей до 4 мая 2001 года, а затем суд воспользовался своим правом продлить этот срок еще на четыре месяца до 4 сентября 2001 года. Отсюда следует, что власти исчерпали правовые возможности продления срока заключения заявителя под стражей «при расследовании». В этих условиях по национальному законодательству вроде бы было невозможно далее продлевать срок.

157. Правительство не указало какую-либо правовую норму, которая позволяла содержать подсудимого под стражей после истечения вышеуказанного срока. Суд отмечает, что решение областного суда от 13 марта 2002 года было чрезвычайно лаконичным в том, что касалось вопроса содержания под стражей, и не содержало ссылку на какую-либо правовую норму, которая бы позволяла дальнейшее содержание заявителя под стражей. Отсюда следует, что это решение не давало достаточной защиты от произвола и не удовлетворяло критерию «законности» в соответствии со статьей 5 § 1 Конвенции.

158. Суд поэтому приходит к заключению, что имело место нарушение статьи 5 § 1 Конвенции в части, касающейся содержания заявителя под стражей в период с 13 марта по 12 сентября 2002 года.

(h) Содержание под стражей в период с 12 сентября 2002 года по 18 ноября 2002 года

159. Суд отмечает, что 12 сентября 2002 года Верховный Суд дал указание областному суду продолжить судебное разбирательство и

1. Заявителя взяли под стражу 22 января 1999 года и к 4 апрелю 2001 года он уже провел в заключении 2 года, 2 месяца и 13 дней. Однако заключение «при расследовании» не включало период с 21 июня 2000 года по 28 февраля 2001 года, когда формально дело было «за судом».

подтвердил, что подсудимые должны оставаться под стражей. Это значит, что с этой даты и далее содержание заявителя под стражей было «во время суда».

Здесь уместно вспомнить, что 13 марта 2002 года, в последний день предыдущего срока нахождения заявителя под стражей «во время суда», заявитель уже находился в этом виде заключения 6 месяцев и несколько дней (начиная со дня, когда дело было направлено в суд для рассмотрения в сентябре 2001 года). В то время такая ситуация не была незаконной в соответствии с национальным законодательством, поскольку шестимесячный срок содержания под стражей «во время суда» по старому УПК не относился к подсудимым, обвиняемым, как заявитель, в особо тяжких преступлениях (см. выше раздел 87).

Однако ко времени принятия Верховным Судом решения от 12 сентября 2002 года о продлении содержания заявителя под стражей «во время суда» действовал уже новый УПК. Он требовал принятия отдельного решения о продлении срока содержания под стражей «во время суда» после истечения первоначальных шести месяцев (см. выше раздел 88).

160. Правительство утверждает, что в соответствии с решением Верховного Суда заявитель содержался под стражей до 7 октября 2002 года – дня, когда дело поступило в областной суд, а затем на основании того, что первое слушание было назначено на 18 ноября 2002 года. Принимая, при отсутствии других, разъяснение Правительства в качестве аргумента, Суд считает, что в этом случае содержание заявителя под стражей после 7 октября 2002 года было бы несовместимо со статьей 5 § 1 Конвенции, поскольку было бы неприменимо решение Верховного Суда от 12 сентября 2002 года, а никакого другого постановления о содержании под стражей принято не было. В этой связи Суд ссылается на свои выводы в разделах 146-151 выше, касающихся подобного срока содержания под стражей, и отмечает, что новый УПК, к сожалению, унаследовал от старого УПК отсутствие четких правовых норм, регулирующих положение заключенного после направления дела в суд.

161. В любом случае разъяснения Правительства не удовлетворяют Суд. Он обращает внимание на то, что 18 ноября 2002 года областной суд продлил срок содержания заявителя под стражей «на последующие три месяца, до 3 декабря 2002 года». При обратном понимании эта формулировка подразумевает, что суд первой инстанции не считал правомерным основанием для содержания заявителя под стражей ни решение Верховного Суда от 12 сентября 2002 года, ни факт получения дела 7 октября 2002 года, и что он чувствовал себя обязанным представить другие основания для его содержания под стражей в предыдущие два месяца и три недели.

162. По мнению Суда, решение областного суда от 18 ноября 2002 года равносильно признанию того факта, что отсутствовали достаточно четкие правовые основания для содержания заявителя под стражей в прошедший период. Заявитель, следовательно, не был в достаточной мере защищен от произвола, чтобы это соответствовало требованиям статьи 5 § 1 Конвенции. Решение областного суда от 18 ноября 2002 года не могло возместить отсутствие «законных» оснований в прошедший период, поскольку принятие постановления о заключении под стражу, имеющего обратную силу, несовместимо ни с национальным законодательством, ни с гарантиями Конвенции (см. выше разделы 139-142). В любом случае решение от 18 ноября 2002 года было в последующем отменено Верховным Судом из-за того, что областной суд не придерживался процессуальных требований (см. ниже).

163. Суд соответственно приходит к заключению, что имело место нарушение статьи 5 § 1 Конвенции в части, касающейся содержания заявителя под стражей в период с 12 сентября по 15 ноября 2002 года.

(i) Содержание под стражей в период с 18 ноября по 4 декабря 2002 года

164. Суд отмечает, что 18 ноября 2002 года Владимирский областной суд в заседании с одним судьей санкционировал содержание заявителя под стражей до 3 декабря 2002 года. Заявитель, в частности, утверждает, что его содержание под стражей с полуночи 3 декабря до 4 декабря 2002 года, когда областной суд продлил срок, не было обусловлено каким-либо постановлением, и потому было незаконным.

165. Суд повторяет, что для того, чтобы содержание под стражей было «законным» по смыслу статьи 5 § 1, оно должно соответствовать как материальным, так и процессуальным нормам национального законодательства (см. выше раздел 124).

Суд отмечает, что постановление областного суда о содержании под стражей от 18 ноября 2002 года было отменено Верховным Судом 21 мая 2005 года, поскольку в нарушение национального уголовно-процессуального законодательства оно было вынесено судом в неполном составе. Это указывает на то, что суд в заседании с одним судьей не обладал юрисдикцией выносить постановление о продолжении содержания заявителя под стражей и что постановление от 18 ноября 2002 года не имело законной силы *ab initio* (см. выше раздел 129).

Отсюда следует, что постановление от 18 ноября 2002 года не могло быть «законным» основанием для содержания заявителя под стражей после этой даты.

166. При отсутствии какого-либо другого решения, которое могло бы служить «законным» основанием для содержания заявителя под

стражей в период до 4 декабря 2002 года, Суд приходит к заключению, что имело место нарушение статьи 5 § 1 в части, касающейся содержания заявителя под стражей с 18 ноября по 4 декабря 2002 года.

3. Резюме выводов

167. Суд признал отсутствие нарушения статьи 5 § 1 Конвенции в части, касающейся содержания заявителя под стражей в периоды с 4 мая по 8 августа 2001 года и с 9 января по 13 марта 2002 года.

168. Суд признал нарушение статьи 5 § 1 Конвенции в части, касающейся содержания заявителя под стражей в периоды с 8 августа 2001 года по 9 января 2002 года и с 13 марта 2002 года по 4 декабря 2002 года.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 3 КОНВЕНЦИИ

169. На основании статьи 5 § 3 Конвенции заявитель жаловался на то, что его содержание под стражей было чрезмерно длительным. В статье 5 § 3 говорится следующее:

“Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда...”

1. Аргументы сторон

170. Правительство утверждает, что заявитель должен был находиться под стражей, так как являлся иностранным гражданином, обвиненным в особо тяжком уголовном преступлении. У него не было постоянного места жительства в Российской Федерации, и потому он бы скрылся, если бы был освобожден.

171. Заявитель на это отвечает, что постановления, продлевавшие его содержание под стражей, формулировались одинаково, и, как правило, в них не указывались какие-либо конкретные причины того, почему было необходимо содержать его под стражей.

2. Оценка Суда

(а) Принципы, установленные прецедентами Суда

172. В соответствии с прецедентами Суда, вопрос, является ли срок заключения под стражей разумным, не может быть решен *in abstracto*. Нужно ли обвиняемому находиться под стражей, необходимо решать в каждом деле в зависимости от его особенностей. Непрерывное содержание под стражей может быть оправданно только тогда, когда

есть конкретные указания на то, что этого требуют реальные общественные интересы, которые, невзирая на презумпцию невиновности, перевешивают принцип уважения свободы личности.

Национальные судебные власти в первую очередь должны обеспечить, чтобы в любом конкретном случае предварительное заключение обвиняемого не превышало разумный срок. С этой целью они должны изучить все факты за и против наличия реальных требований общественного интереса, с должным вниманием к принципу презумпции невиновности оправдывающих отход от принципа уважения свободы личности, и изложить их в своих решениях об отклонении ходатайств об освобождении. Главным образом на основе доводов, приведенных в этих решениях, и достоверных фактов, упомянутых заявителем в ходатайствах, Суд призван решать, было или нет нарушение статьи 5 § 3 Конвенции (см. цитировавшееся выше дело *Labita*, § 152).

173. Аргументы за и против освобождения не должны быть «общими и абстрактными» (см. *Смирнова против России*, № 46133/99 и 48183/99, § 63, ECHR 2003-IX). В тех случаях, когда закон предусматривает презумпцию факторов, относящихся к основаниям для непрерывного содержания под стражей, должно быть убедительно продемонстрировано наличие конкретных фактов, перевешивающих принцип уважения свободы личности (см. *Pijkov v. Bulgaria*, no. 33977/96, § 84 *in fine*, 26 июля 2001 года).

174. Стойкое наличие обоснованного подозрения, что задержанный совершил правонарушение, является условием *sine qua non* для законности непрерывного содержания под стражей, но через некоторое время оно перестает быть достаточным. В таких случаях Суд должен установить, продолжают ли оправдывать лишение свободы другие основания, указанные судебными властями. Когда такие основания «относимы» и «достаточны», Суд также должен выяснить, проявили ли компетентные национальные власти «особое прилежание» при проведении судебного разбирательства (см. цитировавшееся выше дело *Labita*, § 153).

(b) Применение принципов в данном деле

175. Заявитель находился под стражей с 22 января 1999 года, когда был лишен свободы, по 28 мая 2004 года, когда был освобожден. Таким образом, общая продолжительность содержания под стражей составила пять лет, четыре месяца и шесть дней. Суд, однако, не упускает из виду тот факт, что в периоды с 8 августа 2001 года по 9 января 2002 года и с 13 марта 2002 года по 4 декабря 2002 года содержание заявителя под стражей не соответствовало статье 5 § 1 Конвенции.

176. Суд согласен, что первоначально содержание заявителя под стражей могло оправдываться обоснованным подозрением в том, что он занимался наркоторговлей. Как отмечалось в решении областного суда от 28 декабря 1999 года, на том этапе разбирательства необходимость обеспечить проведение надлежащего следствия и предотвратить побег заявителя, учитывая его иностранное гражданство и постоянное место жительства за пределами России, могло оправдать его содержание под стражей.

177. Однако с течением времени эти основания неизбежно становились все менее и менее значимыми. Соответственно национальные власти должны были более обстоятельно проанализировать личную ситуацию заявителя и привести конкретные основания для его содержания под стражей.

Правительство утверждает, что суды оценили потенциальную возможность заявителя скрыться с учетом его иностранного гражданства и отсутствия постоянного места жительства в России. Однако в противоположность утверждению Правительства после того, как дело было направлено первый раз в суд в июне 2000 года, эти исключительные основания не упоминались ни в одном из имевших силу постановлении о продлении срока содержания под стражей.

178. Суд далее отмечает, что ни на одном этапе судебного разбирательства национальные власти не рассмотрели, не превысило ли содержание заявителя под стражей «разумный срок». Такой анализ должен бы был быть особенно тщательным в решениях национальных судов после того, как заявитель провел в заключении более двух лет и истекли все допустимые национальным законодательством сроки содержания под стражей (см. выше раздел 156 и последующие).

179. После начала судебного разбирательства областной суд семь раз продлевал срок содержания заявителя под стражей. Первые три продления были впоследствии отменены Верховным Судом на том основании, что постановления были вынесены неполным составом суда. Во всех решениях содержалась ссылка на тяжесть предъявленных обвинений как на главное основание для продления содержания под стражей. В двух самых последних решениях упоминались также «достаточные основания полагать, что подсудимые могут скрыться».

Более того, в пяти решениях, принятых в период с 18 ноября 2002 года по 28 августа 2003 года, содержалась ссылка на необходимость «обеспечить... исполнение наказания». Суд отмечает, что это основание для содержания под стражей предусматривается только статьей 5 § 1 (а), которая регулирует содержание под стражей лица «осужденного компетентным судом». Однако в данном деле заявитель не был осужден и использование этого основания национальным судом равнозначно предрешению дела по существу, оставляющему

осуждение единственно возможным результатом судебного разбирательства.

180. Суд согласен, что суровость грозящего наказания – это релевантный элемент оценки возможности скрыться. Принимая во внимание тяжесть обвинения заявителя, власти могли обоснованно считать, что первоначально такая возможность существует. Однако Суд неоднократно признавал, что тяжесть обвинения сама по себе не может служить оправданием длительных сроков содержания под стражей (см. *Панченко против России*, по. 45100/98, § 102, 8 февраля 2005 года; *Goral v. Poland*, по. 38654/97, § 68, 30 октября 2003 года; *Pijkov v. Bulgaria*, по. 33977/96, § 81, 26 июля 2001 года).

Это особенно важно в таких делах, как настоящее дело, где правовая квалификация фактов, а, следовательно, и наказания, грозящего заявителю, была определена обвинением без судебного исследования вопроса о том, подкрепляют ли полученные доказательства обоснованное подозрение в том, что заявитель совершил предполагаемое преступление. Действительно, Суд обращает внимание, что заявитель был сразу же освобожден из заключения, как только обвинение применило другую правовую квалификацию его действий. Более того, менее чем через месяц после его освобождения обвинение решило отказаться от большей части обвинений, а суд оправдал заявителя по оставшимся.

181. Что касается наличия возможности скрыться, то Суд повторяет, что такая опасность не может измеряться только на основе суровости грозящего наказания. Она должна оцениваться с учетом ряда других релевантных факторов, которые могут либо подтвердить наличие опасности скрыться, либо показать ее столь ничтожной, что она не может оправдать содержание под стражей до суда (см. цитировавшееся выше дело *Панченко*, § 106; *Letellier v. France*, постановление от 26 июня 1991 года, Series A по. 207, § 43). В настоящем деле решения национальных властей не указывали никаких причин того, почему, несмотря на доводы, выдвигаемые заявителем в пользу своих ходатайств об освобождении, они считают возможность скрыться не вызывающей сомнения. Национальные решения только давали понять, что имеются «достаточные основания полагать, что обвиняемые могут скрыться», не указывая, какие это основания в действительности. Суд признает, что наличие такой возможности установлено не было.

182. Суд, наконец, отмечает, что в течение всего срока содержания заявителя под стражей власти не рассматривали возможности обеспечить его присутствие на суде путем применения другой «меры пресечения», например, залога или подписки о невыезде, которые специально предусмотрены российским законодательством для

обеспечения должного проведения уголовного разбирательства (см. выше раздел 77).

183. В этом контексте Суд хотел бы подчеркнуть, что согласно статье 5 § 3, при решении вопроса об освобождении или заключении под стражу власти обязаны рассмотреть альтернативные меры обеспечения явки в суд. Действительно, данная статья провозглашает не только право на «судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда», но и предусматривает, что «освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд» (см. *Sulaoja v. Estonia*, no. 55939/00, § 64 *in fine*, 15 февраля 2005 года; *Jabłoński v. Poland*, no. 33492/96, § 83, 21 декабря 2000 года).

184. В условиях, когда судебное разбирательство по делу заявителя не могло начаться в течение значительного времени из-за событий, полностью не имеющих отношения к его поведению (см. ниже раздел 188), власти должны были бы либо рассмотреть возможность применить такие альтернативные меры, либо, как минимум, объяснить в своих решениях, почему эти меры не могли бы обеспечить должное течение судебного разбирательства. Отсутствие этого еще больше необъяснимо в связи с тем, что новый УПК недвусмысленно требует от национальных судов подумать о менее репрессивных «мерах пресечения» как альтернативе заключению под стражу (см. выше раздел 80 *in fine*).

185. В целом Суд считает, что решения национальных судов не основывались на анализе всех относящихся к делу фактов. Они не учитывали доводов в пользу освобождения заявителя до суда, таких как ухудшающееся здоровье и семейные связи в области. Особую озабоченность у Суда вызывает то, что российские власти постоянно использовали одинаковую резюмирующую формулировку в обоснование продления содержания под стражей: областной суд воспроизвел дословно один абзац текста в пяти решениях, принятых в период с 18 ноября 2002 года по 28 августа 2003 года, и его слегка измененную версию в двух последующих решениях.

186. Кроме того, в настоящем деле Суд отмечает установившуюся практику коллективного продления срока, т.е. принятия судебных решений об одновременном продлении срока содержания под стражей нескольким подсудимым, проходящим по одному делу, игнорируя тем самым личные обстоятельства каждого отдельного заключенного. По мнению Суда, такая практика сама по себе несовместима с гарантиями статьи 5 § 3 Конвенции постольку, поскольку она позволяет непрерывное содержание под стражей группы лиц, включая заявителя, без оценки в каждом случае оснований или соответствия «разумному сроку» в отношении каждого отдельного члена группы.

187. С учетом вышеизложенного Суд считает, что, не рассматривая конкретные факты или альтернативные «меры пресечения» и

полагаясь главным образом на тяжесть предъявленных обвинений, власти продлевали срок содержания заявителя под стражей на основаниях, которые нельзя считать «относимыми и достаточными».

188. Этот вывод, как правило, освободил бы Суд от необходимости определять, проявили ли национальные власти «особое прилежание» в проведении судебного разбирательства. Однако в данном деле Суд не может не отметить, что задержки судебного разбирательства не раз вызывались недоработками властей. Так, суд первой инстанции не мог реально начать слушать дело с июня 2000 года по апрель 2001 года, поскольку обвинение никак не могло организовать перевод обвинительного заключения на таджикский язык, на котором говорили семеро обвиняемых. После того, как этот недостаток был исправлен, национальные суды не могли прийти к согласию, нарушили ли безвозвратно другие процессуальные недоработки права защиты, и это повлекло дальнейшую задержку с марта по сентябрь 2002 года. Кроме того, каждый раз, когда дело возвращалось в областной суд, требовалось значительное время – от полутора до четырех месяцев, только для того, чтобы назначить дату заседания. С учетом этих обстоятельств Суд считает, что национальные власти не проявили «особого прилежания» в проведении судебного разбирательства.

189. Поэтому имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 § 4 КОНВЕНЦИИ

190. На основании статьи 5 § 4 Конвенции заявитель жаловался на то, что ему не было дозволено участвовать в слушаниях кассационной инстанции и что суды не рассмотрели «безотлагательно» правомерность его заключения под стражу. В статье 5 § 4 говорится следующее:

“Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным”.

1. Аргументы сторон

191. Относительно рассмотрения его кассационной жалобы на решение областного суда от 28 апреля 2001 года заявитель утверждает, что Верховному Суду потребовалось 72 дня для того, чтобы назначить первое заседание, что ни в коем случае не было «безотлагательным» рассмотрением. После того как пришлось отложить слушание 9 июля 2001 года, следующее заседание было назначено почти месяц спустя, что также не может считаться в достаточной мере «безотлагательно».

Заявитель считает, что постоянные отказы Верховного Суда в разрешении ему присутствовать на рассмотрении кассационных жалоб, противоречили решениям Конституционного Суда России по его жалобам (см. выше разделы 56 и 57).

192. Относительно «безотлагательности» рассмотрения правительство заявляет, что для продолжительности разбирательства были «объективные причины», такие как неявка адвоката заявителя на слушания, его постоянные просьбы об отложении и жалобы в вышестоящий суд. Что касается присутствия заявителя на слушаниях в кассационной инстанции, то отказ ему в этом соответствовал статье 335 УПК, которая ограничивала право осужденных и оправданных присутствовать лично в кассационном суде.

2. Оценка Суда

(а) Принципы, установленные прецедентами Суда

193. Суд повторяет, что статья 5 § 4, гарантируя арестованному или заключенному под стражу право на рассмотрение судом правомерности заключения под стражу, также провозглашает их право – после возбуждения такого судопроизводства – на безотлагательное судебное решение о правомерности содержания под стражей или его прекращении, если оно окажется неправомерным. Хотя эта статья не обязывает Договаривающиеся Стороны устанавливать второй уровень юрисдикции для рассмотрения правомерности содержания под стражей, но Сторона, которая имеет такую систему, должна при кассационном рассмотрении предоставить заключенным в принципе те же гарантии, что и в суде первой инстанции (см. *Navarra v. France*, постановление от 23 ноября 1993 года, Series A no. 273-B, § 28; *Toth v. Austria*, постановление от 12 декабря 1991 года, Series A no. 224, § 84). Требование о том, чтобы решение было принято «безотлагательно», несомненно, одна из таких гарантий; если в случаях статьи 6 § 1 один год в среднем может быть общим правилом, то статья 5 § 4, касающаяся вопросов свободы, требует особой расторопности (см. *Hutchison Reid v. the United Kingdom*, no. 50272/99, § 79, ECHR 2003-IV). В этом контексте Суд также отмечает, что особо требуется быстрое решение, определяющее правомерность содержания под стражей, в случаях, когда ожидается судебное разбирательства, поскольку обвиняемый должен получить все преимущества от принципа презумпции невиновности (см. *Howiecki v. Poland*, no. 27504/95, § 76, 4 октября 2001 года).

(b) Жалоба на судебное решение от 28 апреля 2001 года

194. Суд отмечает, что 4 и 17 мая 2001 года заявитель подавал жалобы на постановление областного суда от 28 апреля 2001 года, продлевавшее срок его содержания под стражей. После того, как это постановление было отменено при кассационном рассмотрении и вопрос был пересмотрен областным судом, 23 января 2003 года Верховный Суд принял окончательное решение. В ходе этого судебного рассмотрения Верховный Суд дважды отказывал заявителю в разрешении присутствовать на слушаниях, но адвокат заявителя, однако, присутствовал.

195. Суд отмечает, что судебное рассмотрение по жалобе заявителя на постановление областного суда от 28 апреля 2001 года до принятия окончательного решения Верховным Судом длилось более одного года и восьми месяцев. Хотя правительство объяснило некоторые задержки, но не дало объяснений того, например, почему Верховному Суду потребовалось более пяти месяцев для рассмотрения жалобы на второе постановление областного суда, хотя по национальному закону любая жалоба должна быть рассмотрена максимум в течение двух месяцев (см. выше раздел 96). Правительство не указало причин того, почему Верховный Суд не уложился в этот срок.

В любом случае Суд считает, что никакие исключительные обстоятельства не могут оправдать столь большие задержки в рассмотрении правомерности содержания под стражей.

196. Суд поэтому приходит к заключению, что имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции в части, касающейся длительности судебного рассмотрения жалобы заявителя на постановление областного суда от 28 апреля 2001 года. В свете этого вывода Суду нет необходимости определять, влечет ли также за собой отказ разрешить присутствовать на слушаниях нарушение статьи 5 § 4.

(c) Ходатайство об освобождении от 4 сентября 2001 года

197. Суд отмечает, что как только 4 сентября 2001 года дело было направлено в суд, заявитель немедленно подал ходатайство об освобождении, которое областной суд рассмотрел, отказав в удовлетворении, 9 января 2002 года.

198. Суд обращает внимание, что по действовавшему в то время законодательству суд первой инстанции должен был рассмотреть ходатайство об освобождении в течение четырнадцати суток со дня получения дела (статьи 223 и 223¹ старого УПК; см. выше разделы 91 и 94). Правительство не объяснило, почему эта норма не была соблюдена в деле заявителя.

Суд считает, что срок в 125 дней не может считаться совместимым с требованием «безотлагательно» статьи 5 § 4, особенно когда

изменилось правовое основание для содержания заявителя под стражей.

199. Соответственно Суд приходит к заключению, что имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции в части, касающейся нерассмотрения «безотлагательно» ходатайства заявителя об освобождении от 4 сентября 2001 года.

(d) Жалобы на судебное решение от 9 января 2002 года

200. Суд отмечает, что 9 января 2002 года суд первой инстанции продлил срок содержания заявителя под стражей «за судом». 5 февраля 2002 года суд первой инстанции отложил слушания из-за отсутствия трех подсудимых. 11 и 15 февраля 2002 года заявитель направил жалобы на эти решения, причем жалоба от 15 февраля повторяла вопросы, затронутые в жалобе от 11 февраля.

201. Заявитель утверждает – и это не оспаривалось Правительством-ответчиком, – что канцелярия областного суда не направила его жалобы в Верховный Суд.

202. Суд поэтому приходит к заключению, что имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции в части, касающейся явной неспособности российских властей рассмотреть жалобы заявителя на продление срока содержания под стражей от 9 января 2002 года.

(e) Жалоба на судебное решение от 13 марта 2002 года

203. Суд отмечает, что 29 апреля 2002 года заявитель подал жалобу на решение суда первой инстанции от 13 марта 2002 года, которым был продлен срок его содержания под стражей. Верховный Суд не рассматривал ее до 12 сентября 2002 года. Верховный Суд отказал заявителю в разрешении лично присутствовать на слушаниях.

204. По тем же причинам, что и выше, Суд считает, что срок в 134 дня несовместим с требованием «безотлагательно» статьи 5 § 4 Конвенции, и что имело место нарушение этой статьи.

(f) Жалобы на решения от 18 ноября и 4 декабря 2002 года

205. Суд отмечает, что 22 и 26 ноября и 5 декабря 2002 года заявитель подавал жалобы на решения от 18 ноября и 4 декабря 2002 года, продлевающие срок его предварительного заключения. Первоначально он предполагал, что Верховный Суд решил не рассматривать его жалобы. 21 марта 2005 года, после того, как дело было объявлено приемлемым, Верховный Суд отменил решения от 18 ноября и 4 декабря 2002 года по процессуальным основаниям. Однако заявитель считает, что определение, отменяющее решение от 4 декабря 2002 года, было принято исключительно по жалобам подсудимых совместно с ним, а не по его жалобе от 5 декабря 2002 года.

206. Суд в первую очередь считает, что рассмотрение жалобы более чем через два года после того, как она была подана, явно не соответствует требованию «безотлагательно» статьи 5 § 4. Ему не нужно, однако, устанавливать, была ли рассмотрена жалоба заявителя от 5 декабря 2002 года, поскольку Верховный Суд решительно отказался принимать во внимание какие-либо доводы, касающиеся субстантивных аспектов правомерности содержания заявителя под стражей или направить этот вопрос на рассмотрение в нижестоящий суд. Такой отказ со всей очевидностью нарушил право заявителя на рассмотрение судом правомерности его содержания под стражей.

207. Суд приходит к заключению, что имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции в части, касающейся нерассмотрения жалоб заявителя на судебные решения от 18 ноября и 4 декабря 2002 года.

3. Резюме выводов

208. Суд установил нарушение статьи 5 § 4 Конвенции в части, касающейся:

- длительности судебного рассмотрения жалобы заявителя на решение от 28 апреля 2001 года;
- нерассмотрения «безотлагательно» его ходатайства об освобождении от 4 сентября 2001 года и его жалобы на решение от 13 марта 2002 года;
- нерассмотрения его жалоб на постановление о продлении срока содержания под стражей от 9 января 2002 года;
- нерассмотрения по существу его жалоб на решения от 18 ноября и 4 декабря 2002 года.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 § 1 КОНВЕНЦИИ

209. Суд по собственной инициативе поднял вопрос о соответствии длительности уголовного разбирательства в отношении заявителя требованию «разумный срок» статьи 6 § 1 Конвенции, соответствующая часть которой предусматривает следующее:

“Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на...разбирательства дела в разумный срок ... судом...”

1. Аргументы сторон

210. Правительство считает, что длительность разбирательства была разумной с учетом объема дела (22 тома), большого количества подсудимых (21 человек) и свидетелей (свыше ста человек), использования переводчиков, регулярных неявок на заседания адвокатов подсудимых, включая адвоката заявителя, и их

многократных просьб об отложении заседаний по различным причинам.

211. Заявитель оспаривает это, утверждая, что только в 12 томах содержались материалы по существу обвинения, а в остальных были процессуальные документы. Следствие «искусственно раздуло» объем дела, поскольку оно обвинило всех подсудимых в тяжких уголовных преступлениях без достаточных фактических оснований. По мнению заявителя, решение обвинения отказаться от части обвинений во время прений сторон и то, что он был оправдан судом по остальным, подтверждает это утверждение. Вопреки словам Правительства, фактически свидетелей было 61 человек, которые выступали в суде только по пятнадцать минут. Что касается переводчиков, то именно из-за того, что национальные власти не смогли вовремя обеспечить перевод, пришлось направлять дело на дополнительное расследование, вызвавшее задержку судебного разбирательства. Относительно поведения адвокатов заявитель указывает, что крайне редко слушание откладывалось из-за отсутствия его адвоката, но во всех случаях он давал согласие на продолжение судебного разбирательства в отсутствие своего адвоката.

212. Заявитель утверждает, что поведение национальных властей было причиной наиболее существенных затяжек судебного разбирательства: копии решений по процедурным вопросам вручались подсудимым спустя несколько недель после истечения крайнего срока. Суду потребовалось 96 дней, чтобы назначить дату первого заседания, а промежуток между заседаниями иногда составлял 27 дней. Чрезмерным – от 25 до 40 дней – было время, требовавшееся для передачи дела из Владимирского областного суда в Верховный Суд и обратно. Наконец, в период с 10 июля 2003 года по 15 марта 2004 года суд смог установить более жесткий график слушаний с тем, чтобы избежать задержек, которые длились от двух до 10 дней.

2. Оценка Суда

213. Срок, который должен учитываться в настоящем деле, начался 22 января 1999 года, когда заявитель был заключен под стражу. Он закончился 21 марта 2005 года, когда Верховный Суд вынес определения по кассационным жалобам. Разбирательство, таким образом, длилось шесть лет и два месяца.

214. Суд признает, что дело представляло определенную сложность, так как было связано со значительным числом правонарушений, касающихся наркотиков и предположительно совершенных более чем двадцатью обвиняемыми. Необходимость использовать переводчиков на узбекский и таджикский языки и с этих языков была еще одним осложняющим дело фактором. Однако, по

мнению Суда, сложность дела сама по себе не объясняет длительность разбирательства.

215. Заявление Правительства о регулярных неявках адвоката не было в должной мере детализировано: Правительство не указало даты неявок или хотя бы их количество, заявление также не подтверждено такими доказательствами, как протокол судебного заседания. Суд поэтому считает, что утверждение Правительства о том, что задержки были вызваны в основном собственным поведением заявителя, безосновательны.

216. С другой стороны, Суд признает, что основной причиной задержек было поведение национальных властей: три раза суд первой инстанции был вынужден возвращать дело на предсудебную стадию с тем, чтобы следствие восстановило нарушенные права обвиняемых, например, в результате отсутствия перевода, из-за чего было невозможно рассмотрение дела по существу. В этом контексте Суд отсылает к своим выводам по статье 5 § 3 Конвенции о том, что национальные власти не проявили необходимого прилежания при проведении разбирательства дела заявителя (см. выше раздел 188). Этот вывод также действителен и в отношении длительности уголовного разбирательства.

217. С учетом вышеизложенного Суд считает, что длительность разбирательства не соответствовала требованию о «разумном сроке». Соответственно имело место нарушение статьи 6 § 1 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

218. Статья 41 Конвенции предусматривает:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

A. Материальный ущерб

219. Заявитель запросил 14700000 американских долларов, представляющих убытки на капитал в период его содержания под стражей. Он утверждал, что в результате незаконного ареста документов и печати его компании российскими правоохранительными органами, потерял контроль над своим бизнесом и ему были предъявлены существенные финансовые обязательства, так как его компания просрочила выплату банковского кредита. Заявитель также запросил 6938,10 американских долларов за потерю прибыли в течение пяти лет заключения.

220. Правительство оспаривает наличие причинно-следственной связи между предполагаемыми нарушениями и убытками на капитал, поскольку решение о предъявлении уголовного обвинения заявителю не было предметом рассмотрения Судом в данном деле. Оно также нашло содержащиеся в требовании заявителя ошибки в расчетах.

221. Суд разделяет мнение Правительства об отсутствии причинно-следственной связи между установленными нарушениями и заявленным материальным ущербом (см. цитировавшееся выше дело *Stašaitis*, § 96; цитировавшееся выше дело *Ječius*, § 106). Соответственно он не находит причин присуждать заявителю какую-либо сумму по этому требованию.

В. Моральный вред

222. Заявитель обращался с просьбой о компенсации в сумме 50000 евро или другой сумме, которую Суд сочтет справедливой.

223. Правительство считает, что факт установления нарушения был бы достаточно справедливой компенсацией. Оно также заявило, что в результате оправдания заявитель имеет право на компенсацию на национальном уровне.

224. Суд отмечает, что в данном деле он установил комбинацию особо серьезных нарушений. Заявитель, не будучи осужденным за какое-либо уголовное преступление, провел в заключении более пяти лет в бесчеловечных и унижающих достоинство условиях, и его часто возили в суд и обратно в условиях, которые также были бесчеловечными и унижающими достоинство. Его содержание под стражей более года было незаконным, а будучи «законным», не имело достаточных оснований. Наконец, во многих случаях он был лишен права на безотлагательное рассмотрение правомерности своего содержания под стражей. При таких обстоятельствах Суд считает, что страдания и муки заявителя не могут быть компенсированы одним лишь установлением нарушения. Основываясь на беспристрастной оценке, Суд присуждает всю запрошенную заявителем сумму по этому требованию плюс сумму всех налогов, которыми она может облагаться.

С. Расходы и издержки

225. Заявитель запросил 2000 евро за представление его интересов г-ном Багрянским, 2000 евро за представление его интересов г-жой Гулаковой и еще 1000 английских фунтов стерлингов за подготовку требований о справедливой компенсации г-ном Боурингом.

226. Правительство утверждает, что заявитель был представлен при разбирательстве в Суде г-ном Багрянским, г-ном Овчинниковым и г-

жой Москаленко. Дело не содержит ни одного документа, подписанного г-жой Гулаковой или г-ном Боурингом. В любом случае оно считает запрошенные суммы чрезмерными.

227. Суд в первую очередь отмечает, что заявитель получил 701 евро в качестве правовой помощи за представление его интересов г-ном Багрянским. Поскольку заявитель не подтвердил свои расходы, превышающие эту сумму, Суд ничего не присуждает по этому требованию. Относительно подготовки требований о справедливой компенсации Суд отмечает, что 2 июня 2005 года Председатель отказал г-же Гулаковой в разрешении действовать от имени заявителя. Действительно, имя г-на Боуринга напечатано под требованиями, однако он их не подписал, и нет никаких свидетельств, что заявитель выплачивал какие-либо деньги г-ну Боурингу. Соответственно Суд ничего не присуждает в качестве компенсации расходов и издержек.

D. Неустойка

228. Суд считает нормальным, что неустойка должна основываться на предельной учетной ставке Европейского центрального банка, к которой должно быть добавлено три процентных пункта.

ОСНОВЫВАЯСЬ НА ВЫШЕИЗЛОЖЕННОМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в части, касающейся условий содержания заявителя в учреждении № ОД-1/Т-2 («Владимирский централ»);
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в части, касающейся условий доставки заявителя из следственного изолятора в суд и обратно;
3. *Постановил*, что не имело место нарушение статьи 5 § 1 Конвенции в части, касающейся содержания заявителя под стражей в периоды с 4 мая по 8 августа 2001 года и с 9 января по 13 марта 2002 года;
4. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 § 1 Конвенции в части, касающейся содержания заявителя под стражей в периоды с 8 августа 2001 года по 9 января 2002 года и с 13 марта 2002 года по 4 декабря 2002 года;

5. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции;
6. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции в части, касающейся длительности рассмотрения жалобы заявителя на решение от 28 апреля 2001 года, его ходатайства об освобождении от 4 сентября 2001 года и его жалобы на решение от 13 марта 2002 года;
7. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции в связи с нерассмотрением по существу жалоб заявителя на постановление о продлении срока содержания под стражей от 9 января 2002 года и на решения от 18 ноября и 4 декабря 2002 года;
8. *Постановил*, что имело место нарушение требования статьи 6 § 1 Конвенции о «разумном сроке»;
9. *Постановил*,
 - (а) что государство-ответчик должно в течение трех месяцев со дня, когда в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции постановление станет окончательным, выплатить заявителю 50000 (пятьдесят тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда плюс сумму всех налогов, которыми они могут облагаться;
 - (б) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев до выплаты взимается простой процент на вышеуказанную сумму по ставке, равной предельной учетной ставке Европейского центрального банка в период просрочки платежа, плюс три процентных пункта;
10. *Отклонил* остальные просьбы заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и предано гласности в письменном виде 8 ноября 2005 года в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Майкл О'Бойл
Регистратор

Николас Братца
Председатель